

Елена Ворон Остров сокровищ

Часть первая ЭНГЛЕЛАНД

Глава 1

«Я тебя ненавижу!»

Рыжие метелки плач-травы сеяли пыльцу. Могильная плита была запорошена, выбитые в камне буквы засыпаны до краев. Высокое солнце нагрело пыльцу, и она оранжево светилась, скрывая имя моего отца. Плач-траву здесь посеяли в день похорон.

«Я тебя ненавижу!» — звучал в ушах голос Лайны, звенели ее злые слезы.

Опустившись на колени, я коснулся ладонью плиты.

Что мне делать, отец? Уж два года, как ты погиб, защищая Птиц... А Лайна просит, требует, обвиняет; что мне, по-твоему, делать?

Могила отца находится на краю луга. В жесткой траве неистовствуют прыгунцы, наяривают на пронзительных скрипицах. Темная, с проблесками серебра, стена деревьев окаймляет луг

широкой подковой. Там — заповедник, который тянется к северу на сотню миль.

Мой отец был егерем, Хранителем Птиц; я тоже егерь. И я люблю Лайну. Однако сегодня дал ей пощечину. Не сдержался. Лайна не простит — если только не сделаю, как она хочет. «Я тебя ненавижу!» Отец, подскажи: как мне быть?

Запорошенная могильная плита оранжево сияла. Тихо; ничего не слышать, кроме пронзительного скрипа прыгунцов.

Больно — под горло точно всадили нож. Отец, я так тебя любил! Продолжал твое дело, как мог, — сберег с полсотни Птиц. Несколько раз в меня стреляли из станнера, трижды попали. С каждым новым попаданием паралич длится все дольше, и в конце концов можно остаться калекой. Мать не знает: я ей не признался. А Лайне рассказывал, и у нее глаза расширялись от страха. Она боялась за меня — и одновременно гордилась. А теперь ненавидит.

Колыхались метелки плач-травы, осыпали пыльцу. Я провел ладонью по камню, собрал рыжеватый порошок. Впервые в жизни. Отец не одобрил бы: тот не мужчина, кто нюхает плач-траву. Но мне некогда страдать, переживая ссору с Лайной, и нужна ясная голова; дела ведь сами собой не делаются. Я поднес ладонь к лицу,

глубоко вдохнул. Во рту появился вкус — тонкий, свежий, словно у подкисленной леомоном родниковой воды.

Боль из-под горла перетекла в голову. Охватила лоб, набухла в висках, подобралась к глазам. Могильная плита, рыжие метелки, трава, в которой надрывались скрипичники-прыгунцы, стена деревьев на краю луга — все внезапно расплылось. Сейчас боль прольется по щекам и уйдет...

Под чьими-то шагами зашуршала трава. Я заморгал, прогоняя выступившие слезы, а из-за спины меня окликнул капитан Бонс:

— Джим!

Мэй-дэй! Вот уж некстати.

Билли Бонс шел, с трудом переставляя ноги, тщательно выбирая, куда ставить трость. Трость у него из дерева; доктор Ливси предлагал медицинский антигравитатор, но капитан отказался — дескать, он с космофлота по горло сыт искусственной гравитацией. Едва ли он и впрямь служил капитаном, но мы с матерью его так прозвали.

Он годился мне в деды. Высокий, худой, в дорогом костюме, который подошел бы для города, а не для луга и леса. Седые волосы были коротко стрижены — Бонс не следовал здешним обычаям;

на Энглеланде мужчины носят волосы до плеч.

— Случилось что? — я шагнул ему навстречу.

Капитан остановился, перевел дух. В горле у него посвистывало. Доктор Ливси говорил, что у Бонса неизлечимая духмяная лихорадка.

— Я подумал, что тебе надо знать... — он поперхнулся и умолк, неестественно выпрямившись, запрокинув голову.

Его худое тело вздрагивало — капитан пытался вздохнуть и не мог. Наконец с хрипом втянул в себя воздух.

— Джим, — на меня строго глянули светлые холодные глаза. — Там у тебя мигает, — он дернул подбородком, указав в сторону «Адмирала Бенбоу». — А ты ушел без связи.

Ушел — не то слово. Убежал, вне себя от ссоры с Лайной, от пощечины, которую ей влепил, от ее выкрика: «Ненавижу!»

— Какой квадрат? — спросил я капитана.

— Восьмой. Иначе я б за тобой не гонялся.

Екнуло сердце. Попробуй отыщи в заповеднике Птиц, которых осталось всего ничего. Однако — восьмой квадрат. В нем живет сразу несколько семей.

— Спасибо, мистер Бонс.

Я пустился со всех ног.

Черт бы меня побрал. Все бросил, удрал без

передатчика. Чего ради капитан потащился за мной на своих ногах? Попросил бы кого-нибудь сбегать. На худой конец, Дракона послал бы с запиской или взял мой скутер. Столько времени пропало.

Под ногами свистела жесткая трава, медными пулями разлетались испуганные прыгунцы.

Я ворвался в полосу ивушей, что тянется от южной оконечности заповедника к берегу моря. На земле дрожала рябая тень листвы, а кое-где темнели большие пятна — тени висящих меж ветвей зеркал, сплетенных паутинниками. Расплодилось тварей! К зиме они переловят всех ночных мышаков подчистую...

Сквозь ивуши показался «Адмирал Бенбоу»: трехэтажный, белый, со шпилями и тонкими башенками. За гостиницей лежало море, но его еще не было видно.

Глаза вдруг резанул яркий луч отраженного солнца, раздался звон оборванных канатцев — и плетеное зеркало паутинника грохнулось наземь, заплясало в траве, точно выроненное серебряное блюдо. Обрывки канатцев стегали воздух. Паутинник, похожий на мохнатый шар из блестящих ниток, скатился с зеркала. Я взмыл в воздух, отпрыгнув назад, вломился в раскидистые ветки ивуши. Щеку вспорола боль от воткнувшегося сучка. Где паутинник? Вот он. Я

опять взвился, а серебристый шар метнулся следом, хлестнул липкими нитями по лицу, словно я — ночной мышак, его излюбленная добыча. Глаз и щеку ожгло свирепым огнем. Я оторвал гада, отшвырнул его и кинулся наутек. Слезы катились градом — не надо никакой плач-травы.

Мэй-дэй! Зеркала паутильников обваливаются раз в год. Надо же угадать — прямиком на меня, да именно сейчас, когда в заповеднике тревога...

Я пронесся сквозь ивуши и остановился на открытом месте. Один глаз ослеп, другим едва разбираю кочки под ногами. Выудил из кармана обезболивающую салфетку, протер лицо. Полегчало, но в голове зарождался нехороший звон. Почему так трудно достать противоядие от паутильников? Доктор Ливси уже второй месяц бьется, не может раздобыть.

Я торопливо зашагал к гостинице; ее шпили блестели на фоне синего неба. Охота на Птиц запрещена, но местные плевали на запрет. Из города тоже приезжают, берут наших в проводники. А те и рады заработать. Диких Птиц скоро не станет вовсе. Те же, которых разводят в питомниках... Лайна права: ерунда это, а не Птицы.

— ...Миссис Хокинс, как вы не поймете? — донеслось до меня, когда я вывернул из-за угла гостиницы. — Сегодня ваш зверь покусал Бонса,

завтра кого-нибудь загрызет насмерть.

Я сосредоточил взгляд на фигуре в черной полицейской форме. Гарри Итон. Он стоял на широких ступенях вместе с моей матерью и кем-то из постояльцев.

— Не покусал, — возразила мать, — а только прихватил зубами ногу. — Она нервным движением тряхнула волосами; живое золото частых колечек окутывало ее до колен.

Что не поделили Дракон с капитаном? Я огляделся, отыскивая кургуара. Вот он, в своей конуре. Из темноты зелеными искрами отсвечивают глаза. Конура у Дракона — «Адмирал Бенбоу» в миниатюре: семь лет назад мы с отцом построили для нашего зверя маленькую гостиницу, со всеми ее шпилями и башенками, а мать нарисовала окна и вывеску.

— Сегодня прихватил ногу, завтра отхватит голову, — вмешался постоялец. Голос был высокий и сварливый; Солти, вспомнил я фамилию. — Миссис Хокинс, вы должны посадить это чудовище на цепь.

Цепь для Дракона — верная смерть. Проще усыпить его сразу.

— Джим! — мать заметила меня. — Объясни мистеру Итону и мистеру Солти... Что у тебя с лицом?!

— Паутинник свалился. Пойду лягу. — Я начал подниматься по лестнице.

— Миссис Хокинс, — отчеканил полицейский, — либо ваш зверь будет сидеть на цепи, либо я его пристрелю.

— Мистер Итон, — я обернулся на верхней ступени, — черные кургуары находятся под охраной. Под моей. Не советую вам на них покушаться — иначе будете иметь дело со мной.

От такой дерзости Гарри оторопел. В глазах у меня расплывалось, и я не видел его отвисшей челюсти.

Затем полицейский обрел дар речи.

— Миссис Хокинс, — зашипел он, — растолкуйте своему щенку...

— Мистер Итон! — вскинулась мать; золото волос плеснулось, точно пламя под порывом ветра. — Извольте выбирать выражения. Мой сын — Дважды Осененный Птицей.

Снова повисла тишина; Гарри переваривал услышанное. Во всей округе не сыщешь дважды Осененного.

Постоялец неожиданно рассмеялся. Стой он поближе, за такой смех я отвесил бы оплеуху, да побоялся оступиться на лестнице, возвращаясь.

— Ха-ха-ха! Вот как ваш егерь охраняет Птиц. Дважды Осененный! Ха-ха-ха-ха! Итон, подумайте:

дважды!

Мать уже поняла, что подвела меня страшно: молва понесется на сто миль окрест.

Из конуры полез Дракон. Показались передние лапы с острыми когтями, следом — лобастая голова и широкая грудь, потом мускулистое тело, и наконец — мощные задние лапы и длинный хвост с загнутым кончиком. Иссиня-черный кургуар застыл, расставив лапы и нагнув голову, словно вздумавший подраться поселковый забияка.

Солти умолк; у полицейского рука дернулась к кобуре со станнером. Дракон улыбнулся, показав внушительные клыки, — и скрылся в своем «Адмирале Бенбоу»-2, словно его всосала темнота конуры.

— Гарри, пойдемте, я угощу вас кофе, — миролюбиво предложила мать. — Джим, сейчас же в постель.

Прозрачная дверь гостиницы распахнулась, и я вошел в холл. В голове звенит. Проклятый паутинник...

— Джим! — закричала из-за стойки толстушка Шейла, наш администратор. У нее карие глаза, и щеки похожи на румяные булочки; сейчас ее лицо сливалось для меня в одно смутное пятно. — Мистер Бонс случайно оказался рядом с

твоим скутером, а Дракон вообразил невесть что. Кинулся защищать хозяйское добро. Да как вцепится! Чуть не откусил ногу напрочь. Мистер Бонс ужасно рассердился. Тут же куда-то ушел...

Шейла рассказывала мне вслед, пока я подымался на второй этаж. Значит, капитан думал воспользоваться моим транспортом, а бдительный кургуар не дал, и больному старику пришлось тащиться полмили пешком.

Сослепу я проскочил свой номер и сунулся в чужую дверь, долго не мог сообразить, отчего она не открывается. Наконец попал к себе.

Что за дела? На пульте слежения ни огонька, экраны темны. Мой участок заповедника отключен.

Наощупь я потыкал клавиши, включил систему. Восьмой квадрат тревожно замигал — ярко-желтое пятно. Я повалился в кресло, сжал виски. Пока в глазах не прояснится, ехать нельзя — а когда доберусь до места, охотников уже и след простынет.

Кто выключил пульт? Мать расстаралась, не иначе. Слышала, как ссорились мы с Лайной, и вырубил сигнализацию, чтобы дать мне прийти в себя. Я скрипнул зубами от злости. Отцу она бы не посмела такое удружить.

Очевидно, Бонс догадался о ее выходке, включил в своем номере запасной пульт и дал себе

труд подежурить. Он сам попросил, чтоб его поселили в номер с пультом слежения, и ему нравится мне помогать. Старый капитан на моей стороне. А остальные... Я не говорю о соседях, не говорю о Лайне; но даже мать втайне мечтает, чтоб я бросил это дело и не рисковал жизнью ради крикливых пучков разноцветных перьев. Один капитан понимает, что такое память и долг. И еще доктор Ливси. Но доктор влюблен в мою мать...

В дверь поскреблись.

— Джим?

Я не откликнулся; вошла мать, поставила что-то на стол. Я сидел, вперившись в расплывающиеся огни пульта.

— Коффи тебе принесла. — Она сзади положила руки мне на плечи. — Не сердись. Джим, право же.

О чем речь — о выключенном пульте или о сорвавшемся с языка «дважды Осененный»? Я уже не злился ни на что, однако промолчал. Мать наклонилась и потерлась щекой о мой висок. Золото волос пролилось мне на колени, но я не мог различить колечки на ее локонах. Когда в детстве отец учил меня считать, мы с ним набирали эти колечки на пальцы и складывали, отнимали, умножали, делили... Я отогнал щемящее воспоминание.

— Не переживай, — сказала мать, — все утрясется. Пей коффи и ложись. И выключи эту мигалку. Что расстраиваться зря?

Ее нежные пальцы коснулись моей щеки. Я отвернул голову, уклоняясь от ласки.

— Джим, прости, — проговорила она мягко.

— Проси прощения у Птицы.

Уязвленная, мать ушла. Нехорошо ее обижать, но мне надо было поскорей остаться одному.

Коффи я пить не стал, а намочил в чашке салфетку и промыл глаза. Щипало до невозможности, однако зрение стало возвращаться быстрее.

Я мигом собрался. Браслет-передатчик да старый отцовский станнер — все, что взял. Передатчик тревожно попискивал, и на табло моргал огонек — дублировался сигнал с большого пульта. Я запер дверь и через окно спальни выбрался наружу, оказавшись с торцевой стороны здания.

Здесь не было ни души; на площадке одиноко стоял мой скутер, остальные машины разобрали постояльцы. Море было сине-зеленое, в солнечных бликах; на пляже шумно играла в мяч большая компания.

Подняв прозрачный колпак кабины, я нырнул на сиденье скутера и направился к полосе ивушей,

сквозь которые недавно пробежал. Подернутая легкой желтизной листва напоминала, что не за горами осень. Скутер с шорохом скользил по траве, покачивался на кочках. Антигравитационная подвеска сдохла третьего дня, а отогнать машину в город на ремонт мне было недосуг.

Из-за деревьев показался Билли Бонс, помахал рукой — удачи, мол. Я махнул в ответ, хотел было прибавить скорость, да не решился. Поцеловавшись с паутинником, надо не охотников из заповедника гонять, а быть паинькой и лежать в постели. Не буду я паинькой. И Лайну на охоту не поведу.

Воспоминание о нашей ссоре обожгло хуже паутинника. Лайна — дочь сквайра Трелони, чье поместье стоит на берегу Жемчужной лагуны. Местная королева. Балованная девчонка, которой вздумалось стать Осененной дикой Птицей из заповедника.

Вчера Лайне исполнилось двадцать лет, и сегодня она объявила о своем желании.

Услышав такое, я лишь отрицательно потряс головой. Как только ей на ум взбрело? Просить меня добыть ей Птицу!

— Джим, пожалуйста, — кротко попросила моя любимая.

Она сидела в кресле у пульта, подобрав под себя ноги. Темные волосы скрывали ее целиком,

виднелся лишь край узкой юбочки да загорелые коленки. Из-под длинной челки на меня глядели яркие глаза — сине-зеленые, точно пронизанная солнцем морская волна.

— Нет, — отрезал я.

— Это не каприз, мне в самом деле нужно.

Считается, что перья Птиц пробуждают в человеке скрытые возможности: чувства обостряются, интуиция усиливается, и люди делаются чуть ли не экстрасенсами. Однако лично я особых способностей за собой не замечал. Интуиция у меня всегда была, а слышать лес и читать следы я умею, потому что егерь. И не заметно, чтобы Осененность пошла на пользу нашим соседям или тому же Гарри Итону. По-моему, это больше вопрос престижа. Люди гордятся собой и бережно хранят подаренные Птицами перья: кто спит на них, кто ставит в вазу, как цветы, а женщины украшают одежду или прическу. И только я в память об отце не держу в своем номере ни единого пера.

Лайна тряхнула волосами, по ним пробежали волны красноватых искр.

— Джим, мои родители — Осененные настоящей Птицей. И твои тоже. И ты сам — Дважды Осененный.

— Это не моя вина. — Я стал Дважды

Осененным в день, когда погиб отец.

— Джим, послушай, — проникновенно заговорила Лайна. — Если честно... я не могу выйти замуж за человека, которому я не ровня.

— Я тебе выберу лучшую Птицу из питомника.

— В питомнике не Птицы, а ерунда! Сколько девчонок туда ходили! Лиза, Дана, Тереза... И что? По-твоему, они стали лучше, добрее, умнее? Ты бы на них посмотрел.

Очень надо смотреть на дурех. Я не бываю на балах в поместье Трелони, и Лайна обижается, но мне там тошно. Местное высшее общество — сборище пустомель, которых сквайр вынужден у себя принимать.

— Лайна, — я взял ее руки в свои, — я люблю тебя безо всяких Птиц.

У нее умоляюще выгнулись брови.

— Джим, одна Птица. Одна-единственная из целого заповедника. Рано или поздно их все равно перебьют. Пусть хоть что-то достанется не чужим людям, а нам с тобой.

— Тогда я стану Трижды Осененный, и тебе по-прежнему не будет покоя, — улыбнулся я.

Шутка не удалась; рассерженная Лайна вырвала руки и выпрямилась, спустила ноги с кресла.

— Не прикидывайся дурачком! Ты в девятнадцать лет уважаемый человек, с тобой считаются все — и мой отец, и доктор Ливси, и этот ваш космолетчик Бонс. А я в свои двадцать никто. Тереза и та на меня пыхтит, потому что в питомнике побывала. Мол, у нее теперь интуиция — ого-го-го! Она мир кожей чувствует, сердцем слышит, затылком видит. Только и знает, что похвалится. А ты егерь. Тебе Птицу подманить — раз плюнуть. Мне девчонки поначалу завидовали, чуть не лопались, а теперь смеются. Мол, раз Птицу обеспечить не желает, значит, не любит...

— Глупости.

— Вовсе не глупости. Просишь меня выйти замуж, а сам даже до свадьбы вот столечко сделать не хочешь. Что же потом будет? Через год смотреть на меня не захочется?

— Это не твои слова. — Я начинал злиться. — Кто тебе нажужжал?

Лайна вскочила, яркие глаза потемнели, как море перед грозой.

— Ты возьмешь меня на охоту?

— И не проси.

— Ты — возьмешь — меня — на охоту? — раздельно повторила она.

— Лайна! Если б я просто жил в поселке... или в городе... я стал бы для тебя охотником. Но

пойми: я — Хранитель Птиц.

— Возьмешь или нет? — Она потянула с пальца подаренное мной кольцо.

— А если бы взял? Ты что — любила бы меня, как прежде? Если б я предал дело своего отца? Предал его память?

Размахнувшись, Лайна швырнула колечко в окно; оно звякнуло о стекло и отскочило, покатилося обратно ей под ноги.

— Подавись своей памятью! Отец твой был сумасшедший, и ты тоже!

Я влепил ей пощечину. Лайна отшатнулась, схватилась за щеку; глаза налились слезами. Я испугался, что повредил ей скулу. Затем вообще испугался того, что натворил.

Она попятилась к двери. Я кинулся за ней, схватил за плечи.

— Лайна, прости...

— Проси прощения у Птицы! — Она вывернулась из моих рук и выбежала из комнаты.

— Лайна!

Она убегала по коридору — смертельно обиженная, несчастная. Выбросившая кольцо невесты.

— Лайна, стой. — Я нагнал ее. — Выслушай.

— Оставь меня в покое.

— Лайна, я же люблю тебя...

— А я тебя ненавижу! — выкрикнула она.

Вот и все, что случилось. Я стоял в дверях и смотрел, как Лайна бежит к своему глайдеру, а следом торопится ее пилот, выскочивший из бара. Потом глайдер поднялся и взял курс над морем к Жемчужной лагуне, и не было сил смотреть ему вслед.

Глава 2

Чтобы гулять в заповеднике, надо всего лишь получить разрешение у егеря. Сигнализация срабатывает, когда система обнаруживает у пришельца винтовку-птицебой. На иное оружие система не рассчитана — вот глупость-то! — и выехав по тревоге, можно нарваться на станнер, лучемет или даже на «стивенсон», купленный по случаю у космодесантника.

Впрочем, на лучемет мы с отцом нарвались только раз. Охотники на Энгелеланде — народ безобидный. Они забираются в лес, чтобы стать Осененными Птицей, а это совсем не вяжется с убийством егеря.

Как всякому Хранителю Птиц, мне полагается напарник. В заповеднике двенадцать участков, и должно быть двадцать четыре сотрудника. Нас же

всего одиннадцать, и пятый участок долго был бесхозный, пока его не разделили между тремя егерями. Одиннадцать человек против освоенной зоны планеты. Даже не смешно.

Не желают люди заниматься хлопотным и бесполезным делом, охраняя обреченных Птиц. Властям наплевать, их устраивают питомники. Сумасшедший, назвала меня Лайна. Да, наверное, так и есть.

Браслет-передатчик подмигивал огоньком. Все тот же восьмой квадрат. На пикник расположились, что ли? Нарочно торчат на одном месте, поджидая егеря? Странно. Может, система сбоит? Принимает за винтовку какую-нибудь деталь глайдера новой модели, и там совсем не охотники?

Скутер лавировал меж толстых стволов ели-ели. Под распростертыми лапами стоял зеленый сумрак. Наверху поблескивали плетеные зеркала паутильников, а на усыпанной сухими колючками земле порой встречались яркие пятна света. Таких солнечных «зайчиков» надо сторониться: если зеркало накренилось и отражает свет вниз, того и жди, оборвется.

Я миновал поляну, где виднелись остатки шалашиков — оплетенные прутьями каркасы из веток. Три года назад тут поселилась маленькая

колония Птиц. У самого побережья, под боком у людей. Отец разъяснял, уговаривал, стыдил — все впустую. Обычно смышленные Птицы не желали его понимать. Притворялись, будто не Птицы они, а обыкновенные лесные пичуги. Отчаявшись убедить по-хорошему взрослых, мы переловили птенцов; а это были уже проворные трехдневки, попробуй поймай. В мешках мы перенесли их на четыре мили к западу, в овраг с белым мхом. На белом мху растут кусты можжевела, усыпанные синими съедобными ягодами. Раздраженные Птицы с криками и бранью летели за нами, пытались клевать в макушку.

Мы вытряхнули птенцов на краю оврага, и серые невзрачные пуховички нырнули вниз, попрятались под корягами. Взрослые Птицы начали было успокаиваться, рассаживаться на ветвях растущих вокруг оврага ели-ели. И вдруг — пронзительный вскрик, за ним другой, третий... Сквозь мох выстреливали белесые ростки сныши и впивались в горячие тельца. Мы были потрясены. Никогда прежде снышь не трогала Птиц, она реагирует на кротов и прочую длинношерстную мелочь. А тут — точно взбесилась.

Мы кинулись в овраг спасти птенцов; Птицы с рыданиями металась в воздухе и осыпали сверкающие перья, словно надеялись выкупить

своих детей у нас и сныши. Спасать было уже некого: десяток пушистых комочков трепыхались, пораженные ростками-паразитами. Отец все-таки углядел одного, притаившегося под листом холодовника. Возле холодовника снышь не растет, не любит веющую от его покрытых изморозью стеблей прохладу. Отец бросился к птенцу, но поскользнулся на упавшем стволе, не удержал равновесия, покатился по склону. Из мха вылетела белесая стрелка и впилась ему в подбородок, затрепетала, ввинчиваясь глубже в плоть. Отец вскочил на ноги, вырвал росток с окровавленным кончиком; по обветренному лицу расплзлась белая сетка, словно кожа растрескивалась.

Я подбежал, схватил несчастного пуховичка, сунул за пазуху. Схватил отца за руку и поволок его из оврага. Оскользываясь на склоне, цепляясь за воздушные корни можжевела, мы выбрались наверх. У отца по подбородку текла кровь; у меня под курткой слабо пищал птенец. Отец расслышал этот писк.

— Брось птенца! — крикнул он.

И тут на нас с бешеной яростью накинулись Птицы.

Они вопили, долбили нас клювами, рвали когтями, били крыльями, летящий алый пух казался каплями крови. Прикрывая лицо рукой, я вынул

придушенного пуховичка и поднял его на ладони. Одна из Птиц схватила его в лапы и унесла, другие постепенно оставили нас в покое и слетели в овраг, расселись на синих от ягод кустах можжевела. Дно оврага было усыпано их лучшими перьями, но Птицы по-прежнему сияли и переливались, словно выточенные из множества самоцветов. Пуховички уже не шевелились.

Я поглядел на отца. Кровь на подбородке, кожа покрыта белой сеткой, в серых глазах боль и растерянность... Я выудил из кармана пакет первой помощи. Отец забрал его и подтолкнул меня к оврагу.

— Иди, собери перья.

— Что? — Мне показалось: я ослышался.

— Иди, — повторил он. — Ты — Осененный Птицей.

— Нет.

— Ступай! — рявкнул отец, и Птицы взвились в воздух. — Мы погубили дюжину птенцов. — Он помолчал. — Джим, я прошу: собери перья.

Сколько себя помню, отец ни о чем меня не просил: без слов, по малейшему движению, по взгляду я угадывал его желания и бросался их исполнять. Но сейчас... Как я могу прикоснуться к страшному дару? Разве сегодняшнее дает мне право называться Осененным?

Птицы сделали круг над оврагом, безнадежно окликая мертвых птенцов, затем стая поднялась выше и медленно, натужно махая крыльями, скрылась за остроконечными верхушками ели-ели.

— Джим, — проговорил отец, — люди убивают Птиц, чтобы стать Осененными. Мы невольно убили... Пусть хотя бы не напрасно.

— Нет.

— Ради нас с матерью, — тихо сказал он.

Я побрел в овраг.

Сброшенные перья радугами переливались на белом мху — длинные, с широкими опахалами. Птицы сбрасывают их при опасности, пытаются обмануть врага, отвлечь от себя или птенцов. Хотя делают они это не всегда; поэтому для охоты требуется винтовка-птицебой.

Я подобрал несколько перьев. В них была синева утреннего неба, зелень молодой травы, золотой блеск восходящего солнца и багровая краска ветреного заката, лиловый мрак ночи и оранжевое пламя костра... А еще в них жило страдание. И страх смерти, и боль погибающей плоти, и отчаяние живых. Все это исходило от них ощутимыми волнами, и мне было плохо, как никогда в жизни. Было очень больно и стыдно — больно за все живое вокруг, стыдно за самого себя. За то, что мало сделал добрых дел, что слабо любил

своих близких, что не ценил бесплатное счастье — жизнь. Стыдно за то, что дожил до шестнадцати лет и только сейчас начинаю осознавать самое главное.

Я собрал перья, сколько мог удержать в руке, и вернулся к отцу. Стал рядом, придавленный ощущением собственной никчемности. Шестнадцать лет, прожитых на свете зря. А что ощущают другие? — пришла неожиданная мысль. Неужели такую же боль и стыд? И что со мной будет дальше?

Отец подобрал горсть алых перышек, сунул мне в карман.

— Пойдем, — сказал он устало.

— А снышь?

Нельзя оставлять в овраге ростки взбесившейся сныши. Как бы они не размножились, не начали охотиться на все живое без разбору.

Отец зашагал в сторону дома. Мы дошли до поляны с осиротелыми шалашиками, сели в оставленный неподалеку скутер, но не поехали в «Адмирал Бенбоу», а вернулись к оврагу. Отец открыл багажник и неожиданно извлек оттуда десантный лучемет. Я и понятия не имел, что у него есть такая штука.

Стоя на краю оврага, отец полосовал лучом дно и склоны. К небу подымался сизый дым, летели искры от охваченных огнем кустов можжевела, с

ветвей стоявших вокруг ели-ели срывались перепуганные ночные мышаки и с визгом прыгали с дерева на дерево, точно маленькие косматые ведьмы...

...Был скандал. У отца отобрали лучемер и едва не выгнали из егерей. И долго не умирал слушок, будто Рудольф Хокинс неспроста сжег все свидетельства и что не один его сын в тот день стал Осененным Птицей, а еще дюжина городских ходили потом сильно счастливые; а недавно у Джима появился скутер на антигравях — да на какие же деньги куплен, позвольте спросить? Доброжелательных соседей у нас полно. Меня удивляет: они ведь тоже Осененные. Откуда столько яду в праздных языках?

И Лайне нажужжали в уши, будто она мне не ровня. Вернусь — дознаюсь, что за доброты дурили ей голову. Ужо я с ними потолкую.

Браслет-передатчик талдычил свое: восьмой квадрат. Я вызвал большой пульт, сверился. Так и есть — сидят мои охотнички, с места не стронутся. Или кружат по квадрату. Знают, что в восьмом живет колония, и пытаются ее отыскать.

Видел я сносно, однако в ушах звенело, голова была чугунная, и немели кончики пальцев. Я доехал до границы восьмого квадрата, поднялся по косогору и остановил скутер. Огляделся; никого не

видно. Откинул колпак кабины, прислушался.

Шелестят колючие лапы ели-ели, над головой взвизгивают повздорившие ночные мышаки, вдали подвывает большой беляк. Беляк — оттого что белый, а большой потому, что ростом вдвое больше малого. Малый беляк размером с мизинец, но крайне зловерный: свалится на голову, вцепится в волосы и воет, точно корабельный ревун. При этом он быстро-быстро отстригает прядь, которой завладел, а затем удирает с добычей в гнездо. Большой беляк на человеческие волосы не покушается, он вообще людей не любит и держится от них подальше. Значит, там, где он воет, охотников нет.

Повернувшись в другую сторону, я вгляделся в просветы между стволами, в зеленый полумрак. Никакого движения; лишь вспорхнула с земли синяя ключница, звонко пискнула: «Ключ-ключ!» В четверти мили отсюда находится поляна с шалашиками Птиц. Если охотники до сих пор на них не наткнулись, мне повезло... точнее, повезло Птицам. Они живут в своих шалашиках круглый год, ремонтируют их и подновляют, поэтому отыскать их нетрудно. Правда, к осени птенцы выросли, и стая может улететь от врага. Если захочет. Птицы редко улетают вовремя, как будто до последнего надеются на милосердие людей.

Браслет-передатчик курлыкнул, и сигнал сменился: охотники откочевали в девятый квадрат. Отлично. Я их шугану из заповедника чуть позже, а сейчас есть другие дела. Поехали!

Скутер подполз к заветной поляне. Вот они, шалашики — перевитые разноцветной травой, украшенные цветами и крыльями насекомых. Птицы бесстрашно ловят рогачей и нанизывают на прутья их желтые, с коричневыми выростами крылья. Крыло у рогача с мою ладонь, а челюстями он может прокусить палец до кости. Недружелюбная тварь.

Однако Птиц я не вижу. Впрочем, вон одна — сгусток переливчатых самоцветов на верхушке ели-ели. Алый хохолок развернут, крылья сложены, длинный хвост опущен. Наверное, охотники проходили неподалеку, шумнули, Птицы и попрятались. Умницы. Я посвистел. Головка с алым венцом быстро кивнула, и Птица слетела на несколько веток ниже.

— Давай-давай. — Я снова свистнул.

Из зеленой гущи вынырнули четверо сеголеток; уселись рядом на шалашик, уставив на меня черные блестящие глаза.

— Молодцы, — сказал я им и опять засвистел. Длинная, сложная трель, вывести которую сумеет не всякий егерь. Отец меня долго учил, прежде чем

стало получаться.

Птицы слетались на зов, рассаживались на лапах ели-ели, выжидательно поглядывали на меня. Точно зрители собирались на представление — а я должен был им спеть и сплясать.

Похоже, все собрались. В глубине леса подал голос большой беляк — тот, который избегает людей. Значит, нам с Птицами туда. Продолжая свистеть, я пересек поляну и двинулся на вой беляка. Уведу стаю подальше, а после разберусь с охотниками. Так и пощи: я шагал понизу, Птицы перелетали с ветки на ветку. Не бранились, не гомонили попусту; доверчиво летели за мной, словно огромный выводок за приемным родителем.

Моего отца Птицы любили еще больше. Мучительное воспоминание. Два года назад мы с ним наткнулись на стайку молодых, которые едва успели отделиться от старших и только начали возводить собственные шалашики. Работа была в разгаре: каркасы из веток уже обвиты прутьями, и Птицы стаскивали на поляну всякую всячину для украшения жилищ. Но вот они заметили нас. Поднялись на крыло, закружили над головами, а потом кинулись к шалашикам, похватили с них перья, цветы да ракушки, вернулись и ну пристраивать свои сокровища отцу на голову. На нем была шапочка с козырьком — они ее стянули и

бросили наземь, и давай вплетать в волосы перья и цветы. Ракушки тоже пытались укрепить, но они сваливались, и тогда Птицы затолкали их под воротник куртки. Еще в уши хотели заложить, да отец не позволил.

Затем Птицы разлетелись в поисках новых украшений для домов, а мы стояли на краю поляны и молча смеялись. Отец не стал выбрасывать дары; так и пошагал дальше, точно бог весеннего леса, с копной цветов и перьев на голове. И вдруг — тревожный писк браслет-передатчика, и почти сразу — выстрел птицебоя. Мы кинулись назад.

Птицебой не убивает сразу. Грохот выстрела пугает Птицу и заставляет сбрасывать перья. Их подбирают желающие стать Осененными, а здоровая с виду Птица улетает. Однако от удара звуковой волны рвутся воздушные мешки в ее теле, и после этого Птица живет от силы дней десять. Я не раз видел распластанные на земле тушки, к которым не притрагиваются хищники; ни одна местная тварь не ест Птиц, завезенных на Энглеланд неведомо откуда.

— В чехле привезли, — бросил отец на бегу.

— Угм.

Охранная система не распознает птицебой, если он упакован в чехол из раггицела. Однако едва ли найдется на всем побережье охотник, у которого

достанет средств на раггицел. Это приезжий; или даже залетный, не с Энглеланда. Он спокойно забрался в лес, без спешки отыскал Птицу, вынул оружие из чехла и пустил в ход, а мы только сейчас и узнали, слышь ему в оба глаза!

Впереди завиднелся просвет — поляна с шалашиками.

— Стой, — велел отец, и я прильнул к стволу ели-ели, всматриваясь в солнечное сияние за деревьями.

Криков Птиц было не слышать. На поляне кто-то ходил. Я разглядел женщину, окутанную облаком черных волос, затем мужчину с пучком перьев в руке; нагибаясь, он подметал ими землю. Потом я увидел вторую женщину. Сквозь ее длинные рыжие кудри просвечивал белый костюм. У нее в руках тоже сверкал пучок перьев. Здешние: только на Энглеланде женщины носят волосы до колен, как покрывало. Сколько же Птиц они сгубили, охотнички Осененные?

— Трое? — шепнул я отцу.

— Похоже. Идем.

Сжимая в руке станнер, он двинулся к поляне. Я остро пожалел, что у меня нет оружия: мало ли, как повернется дело. Однако до восемнадцати лет оружие не полагается даже егерю в заповеднике. Идиотский закон.

— Отец, цветы!

Спохватившись, что голова у него точно Птичий шалашик, отец принялся стряхивать дары. Как много седины в его темных волосах. А ведь он еще совсем молодой...

— Не высовывайся, — предупредил он, и мы вышли из-за пушистой ели-ели на поляну.

Я остановился чуть позади отца. Станнер он держал дулом вниз.

— Сколько Птиц? — спросил он резко.

Охотники так и подпрыгнули. Черноволосая охнула, рыжая выронила перья, мужчина бросил свой пучок, словно тот обжег ему пальцы. Оружия у него не было, птицебоя в чехле я тоже не видел. Молодой парень, немногим старше меня. А женщинам, по-моему, за тридцать. Что же — до тридцати лет не сподобились стать Осененными? Не верю. Скорее, кумушки явились, чтобы сделаться Осененными дважды.

— Сколько Птиц? — повторил отец.

— С-семь, — неуверенно ответила черноволосая. — Или шесть...

Кудри роскошные, но сама худая, скулы обтянуты, под глазами мешки. Рыжая тоже худосочная, бледная. Неужто они верят слухам, будто Птицы лечат от любых болезней? Вот же чушь...

— Ваши документы, — велел отец.

Женщины испуганно переглянулись, у парня забегали глаза. Если охотник сильно трусит, он может стать опасен.

— Не двигаться, — предупредил отец, поднимая оружие. — Джим, возьми у него документы.

Я двинулся вперед. Парень попятился.

— Стоять! — крикнул отец.

Охотник замер; рыжая пискнула, точно придавленный лисовином кротик.

Где их птицебой? Повесили на сук, прислонили к дереву? Нехорошо у парня бегают глаза; ой, плохо...

Его взгляд вдруг остановился, парень глядел мне за спину. Я обернулся.

Из-за ели-ели позади отца выступил человек. На плече висела винтовка, из нагрудного кармана торчали два сине-зеленых пера. Лицо в морщинах, седой. Вот главный охотник. Судя по короткой стрижке — залетка, не ангеландец... Он вскинул руку, в которой оказался лучемер.

— Берегись! — крикнул я, бросаясь на землю.

У отца на боку, под левой рукой, появилось черное пятно.

Я толкнулся, перебросил тело вбок, уходя из-под нового выстрела.

Отец еще стоял на ногах, обугленная куртка по краям паленого пятна дымилась. Я опять толкнулся от земли, опираясь руками, перемахнул дальше, стремясь к краю поляны, под защиту толстых стволов. Чужак целил в меня из лучемета. Выстрел — рядом вспыхнула и мгновенно сгорела трава. Отец начал оседать; ствол станнера повернулся в мою сторону. Возле бедра клюнул землю новый яркий луч, от вспышки дохнуло жаром. Рывок!.. Да что со мной? Я вдруг обмяк, опрокинулся на спину, уставился в небо, проткнутое верхушками ели-ели. Небо начало стремительно сереть, а солнце — гаснуть. Деревья сгнули во мгле, и я едва расслышал голос:

— Ни хрена себе! Что он... — И все. Лишь тьма и тишина.

Потом я очнулся. Солнце садилось, на поляне было темно; по небу разметались огненные языки облаков — алые, багровые, желто-розовые. Верхушки ели-ели на их фоне казались черными. В кронах суетились ночные мышки, где-то влаивал старый охрипший лисовин. Я хотел подняться, но не смог: ноги отнялись, в руках совсем нет силы. Вокруг почему-то перья... много перьев; и на меня тоже насыпались... Откуда они? Неужели Птицы прилетали?

И тут я вспомнил: отец. Я вскинулся, закрутил

головой. Где он? Вижу — темный силуэт возле раскинутых лап ели-ели.

— Отец! — Я пополз, волоча за собой бесполезные ноги. — Как ты? Отец!

Он не откликнулся. Он был холодный, окоченевший. Почему? Ведь я жив. Даже раны нет ни одной. А он — почему он мертв? Отец, что ж ты? Отец!

В смятении, которое еще не переросло в ужас и горе, я ткнулся лбом в его остывшую твердую руку. Отпрянул. Вгляделся в повернутое набок лицо. В сумраке оно казалось вырезанным из темного дерева.

Отец, вернись! Раз я жив, то и ты должен...

Забрезжила догадка: он выстрелил в меня из станнера. Выстрелил дважды, словно в громадного красного волка, который водится на севере в горах. Паралич был настолько силен, что охотники сочли меня мертвым и не стали добивать из лучемета. Ты обманул их, отец. И вот — я живой, а ты мертв. Мертв! С беззвучным воем я снова ткнулся лицом в окоченелую руку, все еще сжимавшую станнер...

Глава 3

Убийцу нашли — но отца не вернешь. Иного оружия, кроме станнеров, егерям по сей день так и не выдают. И работаем мы без напарников. Я брал бы с собой в лес Дракона, но кургуар терпеть не может ездить в скутере, а бегун он неважный. Только и проку от зверюги, что страшает наших постояльцев.

Мы с Птицами удалялись от гнездовья. Пройду еще немного и оставлю их, а сам вернусь к скутеру и поеду к охотникам. Из кабины вылезать не стану: с лучементом да десинтором у нас не часто ходят, а от станнера колпак защитит. Все будет ладно... Надеюсь.

Подвывавший беляк замолчал. Неожиданно вскрикнула и захлопала крыльями Птица, запрыгала на ветке, точно мячик; рядом встрепенулась другая. Я крутанулся, вглядываясь в окружающий зеленый сумрак. Шагах в тридцати из-за ствола ели-ели выглянул человек — а ноги мои подогнулись, и я повалился лицом на сухие колючки, на тонкие веточки, на клочья шерсти ночных мышаков.

Не шевельнуться. Все тело — сплошной птичий пух, зрение гаснет. Выстрел из станнера. Опять!

Страшно закричали Птицы, сорвались с ветвей, заметались надо мной, обдавая порывами ветра. По спине что-то стукнуло, в шею кольнуло. Они осыпают перья, желая выкупить меня у того, кто стрелял. Да улетайте же, чтоб вам!..

Птицы не собирались меня покидать. Я слышал их крики, свист крыльев, шорох потревоженных веток. И вдруг — глухой удар о землю. Затем второй удар, чуть дальше. Возле головы с шелестом опустилось перо. Что-то тяжелое шлепнулось совсем рядом. Ни людских голосов, ни звука шагов, ни грохота винтовки-птицебоя. Птицебой сегодня ни к чему, Птицы и без него сыплют перья. И что-то падает, падает... Крики Птиц раздаются все реже. Я понял: это падают Птицы. Что с ними?

Головы не поднять, рукой не двинуть, пальцев не согнуть. Делай со мной что угодно — топчи меня, режь глотку, жги огнем. Где этот гад-охотник, снышь ему в оба глаза?

Стало тихо. Ни шелеста веток, ни вскрика Птицы, ни писка ночного мышака. Лишь мягкие шаги по сухой хвое. Охотник чем-то занят. Птиц собирает, что ли?

Ну конечно. Он обездвижил их станнером, и Птицы лежат беспомощные, но живые. Охотник сможет их продать — коли паралич не погубит.

Мэй-дэй! Такого еще не бывало, чтобы на Птицах наживались.

Курлыкнул браслет-передатчик: птицебой перенесен в новый квадрат. Наверное, его хозяин спешит сюда.

Значит, один с винтовкой находился в девятом квадрате, а другой караулил возле шалашиков. Может, он и беляком выл, чтобы меня приманить? Верно рассчитали. Думая увести Птиц от опасности, я собрал стаю и подвел под удар. Проклятье!

Захрустели ветки. Вот и второй. Идет не скрываясь, трещит сушняком. Окликнул издалека:

— Ну, что? Много собрал?

Видимо, первый ответил жестом, потому что второй довольно хмыкнул. Подошел ко мне.

— Живой? Так чего тянешь? Кончай его.

Убить меня? Зачем? Ах да, я ведь свидетель. Пусть даже в лицо их не видел, все равно опасен.

Я попытался напрячь мышцы. Бесполезно. Из горла не выдавить ни звука. А хоть бы и мог заговорить — я не стану унижаться и вымаливать себе жизнь. Вот только мать жалко и Лайну.

Меня пнули в бок ногой. Двинуться невозможно, однако удар я почувствовал. Еще раз пнули, перевернули на спину. В глазах по-прежнему темно.

— А знаешь... давай и его возьмем. Продадим за хорошие деньги.

На Энглеланде продать человека нельзя, возникла отрешенная мысль. Эти двое — залетные, с чужой планеты.

Очевидно, молчаливый не желал заниматься работорговлей; второй разочарованно вздохнул:

— Как хочешь... Что за черт?! — вскрикнул он. — Слышишь?

Издалека донесся топот быстрых лап — мчал какой-то большой зверь. Рысук? Медведка? Кургуар?

— Дьявол! — заорал человек.

Гигантский прыжок — и могучий зверь приземлился на четыре лапы прямо надо мной. В нос ударил густой запах шерсти, родной до боли. Дракон! Торопился за хозяином, бегун аховый, друг мой ленивый. Он тяжело дышал.

— Стреляй! — отчаянным голосом выкрикнул второй охотник.

Черного кургуара обычным станнером не возьмешь — зверь делается бешеный и может разорвать в клочья. Очевидно, первый охотник это знал. Он молча что-то делал, а второй, стоя в отдалении, понукал его и ругался.

Дракон отродясь не имел дела с убийцами; он не нападал, а лишь сердито бил хвостом и глухо, на

низких нотах рычал. В рычании кургуара присутствует инфразвук, и когда зверь угрожает, самый бесстрашный противник — медведка или красный волк — поджимает хвост и позорно бежит. Иное дело человек.

— Ну, готов? — нервничал второй охотник. — Что ты копаешься?

— Заткнись, — прошипел первый. Единственное слово, которое я от него услышал.

Хоть бы кургуар сообразил, что делать. Дружище, прыгай на него, бей лапами, оглушай. Иначе он убьет нас обоих.

Кургуар вдруг взревел — и так же внезапно умолк. Прочие звуки тоже оборвались, в черноте закрутились блестящие мушки, к горлу подступила тошнота, и я стремительно заскользил в какую-то бездну.

Казалось, падал целую вечность. Бах! — удар отозвался в спине и в затылке. Голова загудела, я остановился. Больно. Темно. Кто-то скулит. Дракон? Я хотел позвать его, но голос не повиновался. Паралич. А ну как не пройдет? Который уж раз мне достается...

Блестящие мушки и полет в бездну — такого еще не случалось. Чем меня оглушили? И отчего не убили совсем?

Холодно. Больно. Дракон жалуется; ему тоже

плохо.

Я провалился в забытье, а когда очнулся, по-прежнему было очень холодно и больно, и неподалеку рыдал кургуар.

— Дракон! Где ты?

Он утих. Темнота. Говорить могу — но что с глазами? Неужто ослеп навсегда?! Перепугавшись, я рванулся, перекатился со спины на бок, наткнулся ребрами на что-то острое. Ощупал: камень. Мокрый, скользкий. Кругом вода. Где голова, там мелко, а ноги плавают на глубине. Вслепую я пополз вперед, выбрался на сухое место. Здесь был песок среди камней и редкие пучки травы. Откуда взялась вода?

— Дракон!

Кургуар издал отчаянный вопль. Я кинулся к нему, неловко пробираясь по камням — на карачках, оскальзываясь и обдирая ладони.

— Вот ты где.

Я обнаружил дергающийся хвост. Вслед за тем нащупал заднюю лапу, потом крестец зверя. И два здоровенных валуна, между которыми был зажат кургуар.

— Как ты туда забрался?

Дракон умолк. Я погладил его мощную спину; по ней пробежала дрожь.

Внезапно я различил черное пятно меж двух

других, посветлее. Пятна стали отчетливей, превратились в кургуара и камни. В свете крошечной луны, показавшейся в разрывах туч, я разглядел широкую полосу открытого пространства, где серые валуны лежали вперемешку со своими черными тенями. Не веря собственным глазам, я обернулся. В другой стороне холодно поблескивала недвижимая вода. Море.

Опираясь о камень, я поднялся на ноги. Что за морок? Как нас с Драконом сюда занесло? Похоже, нас обоих выключили, затащили в глайдер, а потом сбросили вниз. Но почему не скинули на глубине, где мы бы тут же утонули? И вообще, чего ради связываться с кургуаром? Поперли его на край света, вместо того, чтоб перерезать горло на месте.

Дракон слабо взвизгнул.

— Не хнычь. Мы живы, понимаешь? Живы.

Он горестно завыл.

Луну опять скрыли плотные тучи, и в наступившей тьме я начал рыться по карманам, отыскивая фонарик. Нашел. Не работает. Мэй-дэй!

Подсветки на часах нет, браслет-передатчик мертв, компас тоже, термоэлемент в куртке не включается. Каким излучением по приборам лупили так, что они разом сдохли? Одна механическая зажигалка не подвела, однако на каменистом берегу ею нечего было поджигать.

Я ощупал ловушку, в которую таинственным образом угодил мой Дракон. Эти громадные каменюки с места не стронуть. А если подрывать снизу и опрокинуть с помощью рычага? Я начал копать. Ничего не выйдет: сплошной камень.

— Как тащить тебя будем: за уши или за хвост?

Снова проглянула луна, осветлила верхушки камней, углубила провалы и щели. Спутник Энглеланда малюсенький, но яркий, похожий на сигнальный огонь корабля.

Передние лапы кургуара были зажаты под брюхом, грудная клетка опасно стиснута, за хвост и свободную заднюю лапу не вытащить — оторвутся.

Я разулся, отжал мокрую одежду и попрыгал, согреваясь. Сколько хватает глаз, на берегу ни огонька: очевидно, мы далеко от населенных мест. Ума не приложу, что делать.

Кургуар застонал, скребнул когтями по камню. Я сел рядом, положил руку на его вздрагивающую спину. Шерсть была влажной от ночной сырости, а под ней я нащупал длинные шрамы.

— Дракон-Драчун, Кусака и Ворчун, змею кусай, ежа кусай, Джима охраняй...

Энглеландского ежа никто в глаза не видел, но мать всегда так приговаривала, отправляя меня

гулять под присмотром кургуара. Помню, в четыре года я сильно горевал, когда Дракон загрыз большого пятнистого зверя, спрыгнувшего с ветки, чтобы поиграть. Уж конечно, рысюк обозлился, что его невежливо встретили, и стал драть нашего кургуара когтями. Отец потом меня убеждал, что любимое занятие рысюка — кушать четырехлетних мальчиков, но мне казалось: он шутит.

И я тайком бегал на место, где зарыли мертвого зверя, в надежде, что из земли вырастут маленькие рысучата. Рысучата не выростали, хотя я каждый день исправно приносил ведро воды и поливал рыхлый холмик. В конце концов о моем звероводстве прознали родители. Они хохотали от души, а вскоре я обнаружил у могилы долгожданного рысучонка. Он был совсем как взрослый рысюк, такой же белый с рыжими пятнами, но почему-то лежал в корзинке с теплыми тряпочками. И он очень плохо рос. Я был уверен, что рысучонок болен и скоро умрет, однако Рысь по сей день жив и весел, только называется он котуном. Дракон его обожает.

— Ну-ка, дружище, попробуем тебя приподнять, — решил я. — Раз ты упал с высоты, значит, надо толкать снизу вверх.

Но то ли кургуар засел слишком плотно, то ли сил у меня после паралича не хватало — не удалось

сдвинуть его ни на миллиметр. Задыхаясь, я отступил, а Дракон жаловался и бранился. Беда-то какая. В каменной ловушке он не протянет и суток.

Я смотрел, как дергается его длинный хвост, как беспомощно скребет по камню лапа. Уж лучше взять в руки станнер и, коли не вышел из строя, всадить кургуару четыре заряда. Минута бешенства — и безболезненная смерть. В горле встал комок.

Дрожа от холода, я подобрал мокрую куртку, повертел в руках. Ах да! Здесь же две системы нагрева, и можно активировать химическую. Ну, активируем. Под пальцами зародилось чуть заметное тепло. Заработало. Я надел куртку и застегнулся.

Уютное тепло навело на свежую мысль. Я отыскал поблизости удобный камень, подкатил его под заднюю лапу Дракона, прочно укрепил, чтобы кургуару было во что упереться. Затем щелкнул зажигалкой и поднес огонек к загнутому крючком хвосту. Запахло паленой шерстью. Кургуар взревел, хвост метнулся, ударил о землю. Я поймал его и вновь подпалил. Желтый язычок пламени раздвоился, охватывая крючок с двух сторон, от него потянулся вонючий дымок.

— Ар-rrr-рааа! Вуу-aaa-rrра! — разнесся вокруг хриплый рев.

Хвост Дракона вырвался, тяжело ударил мне в

лоб, согнутая лапа напряглась, упираясь в подставленный камень.

— Ввррра-аааа-рррууу! — гремело над пустынным берегом. — Ааа-вваа-вваа-рраа!

Я опять поднес зажигалку; горящая шерсть потрескивала, я отчетливо слышал этот звук сквозь рев Дракона.

— Уур-ррраааа! — Мощная лапа распрямилась, и кургуар вылетел из ловушки, как из катапульты.

— Молодец! — крикнул я.

— Хххрррр... — отозвался оскорбленный Дракон. — Ххрррррр...

Под разогревшейся курткой похолодела спина. В жидком свете луны кургуар двинулся ко мне. Паленый хвост бил по бокам, уши прижаты, клыки оскалены. Я попятился.

— Дракон, нельзя.

Его лапы не слишком уверенно упирались в камни, но кургуар приседал, готовясь прыгнуть и вцепиться в глотку.

— Нельзя! — рявкнул я. — Сидеть.

Прыжок! Когти скользнули, Дракон промахнулся. Я отскочил вбок, оступился, упал на колени — и сунул горящую зажигалку ему в морду, в большой трепетный нос. Дракон взвыл, мотнул головой, лязгнул клыками; я отдернул руку, но он

все же прихватил край рукава. Оторвал.

— Пошел вон! — заорал я.

Махнул зажигалкой у глаз; в них промелькнули желтые злые язычки. Дракон отпрянул. Я вскочил и двинулся на него, выставив перед собой маленькое прыгающее пламя. Кургуар присел, ворча, затем подался назад.

— Убирайся к чертям! Пошел вон!

Он повернулся и затрусил в темноту. Стукнул под лапой неверный камень, взвизгнул мой зверь, еще несколько секунд я слышал топот его лап. Наконец все стихло, и на рябом от лунного света берегу уже ничто не двигалось. Тогда я убрал зажигалку, натянул мокрые ботинки, собрал разложенное на земле добро — станнер, бесполезный браслет-передатчик, не работающие часы и компас. Почему бандиты не польстились на станнер? Может, он тоже сдох? В темноте, без дичи, не проверишь. Застегнув на поясе ремень с кобурой, я зашагал прочь от моря, вслед за Драконом.

За каменистой полосой начался кустарник вперемежку с тростником. Я ломился сквозь хрусткие стебли, пока не наткнулся на заброшенный домик ракуша. Ракуш питается морскими моллюсками, а дом строит из стволиков олихи. Его жилище доставало мне до плеча, во все

стороны торчали ветки, усыпанные пахучими шишечками.

Здесь-то я и заночую. Изнутри покинутое жилище было выстлано свалянной шерстью хозяина; я выгреб эту шерсть и соорудил сносную подстилку, подложив вниз две охапки тростника. Затем я развалил ракушев домик и сложил костерок. Тепла от него будет немного, но с костром в ночи веселей.

Огонек от зажигалки метнулся по сухим метелкам тростника, взбежал по веткам олихи, ярко вспыхнул на шишечках, заиграл желто-зелеными оттенками. Вскоре мой костер казался грудой сверкающих самоцветов — шишечки горели долго, затухали и вновь разгорались, переливались и подмигивали. Олиху собирают подружки невесты накануне свадьбы, расставляют в вазах, и ее тонкий аромат долго держится в доме. Это приносит счастье.

Устроившись на подстилке, я вдыхал густой запах горячей олихи. Знакомый аромат чужих свадеб, чужого счастья. А мы с Лайной когда-нибудь сыграем свадьбу? Помирился ли?

Одного не пойму: каким образом оказался у моря, да еще вдвоем с кургуаром. Я ощупал затылок, которым треснулся о камни. Не скажу, что летел с большой высоты. Выходит, меня нарочно

оставили на берегу. Пожалели утопить... Кто пожалел? Охотники, которые собрались торговать Птицами и готовы приторговывать людьми? Смешно.

Может быть, меня кто-то у них отнял и увез? Но зачем выбросил здесь?

От этих размышлений стало тошно. Я глядел в костер, в переливчатые желто-зеленые глаза догорающей олихи, а внутри поднималось странное, неведомое до сих пор отвращение. Мне были противны охотники, Птицы, Дракон, я был противен сам себе. Думать ни о чем не хочу. И помнить не желаю. Надо все забыть, и пропади оно пропадом.

А теперь — спать. Вернусь домой и первым долгом помирюсь с Лайной.

До утра мне снились подмигивающие глаза костерка. А на рассвете, едва пробудившись, я уставился в блестящие глаза кургуара. Дракон припал к земле в двух шагах от меня, положив голову на передние лапы. Чуткие ноздри подрагивали, уши стояли торчком.

— Привет, — сказал я.

Он моргнул.

— Ты на кого вчера лапу поднял, а?

Кургуар издал слабое виноватое «уухх». Однако стоило мне шевельнуться, как он вскочил и

скрылся в зарослях, с хрустом ломая тростник.

Я поднялся. За ночь тучи разошлись; небо у горизонта налилось розовым, звезды выцвели, луна висела над морем блеклым пятнышком. Странно видеть море на севере, когда всю мою жизнь оно плескалось на юге. Где я, хотелось бы знать?

Браслет-передатчик мертво молчал. Даже аварийный блок, с которого можно послать сигнал бедствия, и тот не работал. Уму непостижимо.

Сосредоточившись, я прислушался к внутреннему голосу. У Дважды Осененного Птицей интуиция якобы сильнее, чем у обычных людей. У Трижды Осененного, поправил я себя, и тут же вернулось отвращение ко всему, что случилось вчера. Вчерашнее не считается.

Я прогнал воспоминания и представил себе карту Энгелланда. Едва ли нас с кургуаром перебросили за море, на южный берег — уж больно далеко, даже для глайдера. Да и тростник с олихой здесь обычные, не заморские. В таком случае, большая вода, которую я вижу, — это залив Надежды, и чтобы вернуться домой, надо двигаться к югу. Я прищурился, напрягая глаза. На том берегу виднеются невысокие горы — фиолетовые зубчики на фоне еще темного неба. Да, это несомненно Надежда. До «Адмирала Бенбоу» рукой подать — каких-то тридцать миль. К вечеру будем дома.

— Дракон! — позвал я. — Домой!

В зарослях ничто не шевельнулось.

Взгляд упал на полосатую тушку морского поросенка возле кострища. Искушая вчерашнюю вину, кургуар добыл для меня завтрак. Увы: поросенка надо отваривать, много раз сливая воду, а в жареном виде он нестерпимо вонюч. Мне же кухарничать некогда. Поэтому я бросил в рот таблетку сухого концентрата, снова кликнул Дракона, который опять не явился на зов, и зашагал сквозь ломкий тростник и кустарник.

И вскоре уткнулся в черное болото, которое тянулось на много миль вперед. Ровное, угрюмое пространство. По краю из черной жижи торчали скелетики мертвых кустов, словно болото успешно наступало на сушу, разливаясь вширь. Поднявшееся за спиной солнце золотило тростник и стебли низкорослой олихи, но в болоте его лучи тонули, никак не подкрашивая вязкую на вид поверхность. Я подобрал с земли камешек и бросил. Он упал без звука, полежал, а потом равнодушная масса его затянула.

Что за ерунда? Возле залива Надежды таких болот нет. На душе стало неуютно, я мгновенно озяб.

— Дракон! — крикнул я и посвистел. — Дракон, ко мне!

Тростник заколыхался, среди стеблей показался черный нос, выглянул настороженный глаз. Я протянул к кургуару обе руки, показывая, что в ладонях нет ни палки, ни ремня.

— Давай, дружище, иди сюда. Я тебя прощаю.

В ответ кургуар всхлипнул, совсем как человек, и опять скрылся, качнув вызолоченные солнцем метелки. В зарослях раздался его тоскливый вой, а болото неожиданно вспучилось, приподнялось, покатило на сушу — и так же внезапно остановилось. Из черной жижи теперь торчали еще живые тростники и ветки олихи. Запоздало испугавшись, я отпрянул назад.

Болото лежало тихо-тихо, с виду безжизненное и безобидное. Я рассматривал его, не в силах подавить дрожь. Смертная грязь, вот что это такое. Загадочный, по сию пору не исследованный обитатель Энглеланда. Достаточно унести на башмаках каплю черной жижи, чтобы со временем на месте твоего жилья образовалось новое болото. Точно: это Смертная грязь. И находится она не в тридцати, а в двухстах шестидесяти милях от обжитого морского побережья, где стоит «Адмирал Бенбоу».

Глава 4

В эту ночь закончилось лето: под утро ударил морозец, выбелил инеем землю. Похрустывали схваченные холодом палые листья ивушей, трава полегла и беззвучно сминалась под ногами. Под звездным небом тускло отсвечивали зеркала паутинников, а когда о них ударялся оторвавшийся лист, отзывались чуть слышным звоном. Дракон, никудышный путешественник, едва ковылял на сбитых лапах, я тоже тащился через силу. Двадцать суток пути — по краю Смертной грязи, через Сухую долину, по Безымянным пустошам, по ущельям Обманных горок, мимо Серого Разлома, и под конец сотню миль лесом, по родному заповеднику. Людей мы не встретили ни разу. Штурманом был Дракон — с его чувством направления, он вел меня домой как по нитке — а после встречи с охотниками кургуар не желал иметь дела с человеком и всякое жильё обходил стороной.

Белая земля под ногами, темные стволы деревьев, россыпь холодных звезд наверху. Справа — я знаю — лежит море, но его не видно и не слышно. Впереди мелькнул огонек.

Сердце тревожно постукивало. Как мать пережила мое исчезновение? И Лайна? Что, если

она вообразила, будто из-за нашей ссоры я ударился в бега? Или, того хуже, утопился в трясине? Надеюсь, обе они живы-здоровы. Как-никак, о Лайне заботятся родители, а у матери есть доктор Ливси. Доктор влюблен в нее, но он — всего лишь добрый друг и не претендует на большее.

— Вауа, — простонал кургуар и повалился наземь, вытянул вбок израненные лапы.

— Вставай. — Наклонившись, я потрепал его уши. — Дом уже виден. С полмили осталось.

Дракон горько вздохнул и закрыл глаза. Мол, пока не отдохну, с места не стронусь.

— Дело твое. — Я побрел один.

Хрустели покрытые инеем листья, позванивали зеркала. С неба донесся хриплый рык — кричали перелетные скворухи.

Я вышел на открытое место. Слева черной стеной поднимались деревья, справа над морем выгнулось звездное небо, и вода поблескивала, отражая его свет. Гостиница белела впереди — маленькая, какая-то беззащитная, с одним только фонарем над входом. Мне стало не по себе. Позабыв про усталость, я прибавил шаг.

Желтый свет стекал по ступеням лестницы; на прозрачных створках двери появилось мое отражение — в холле было темно. Дверь долго

размышляла, прежде чем открыться, и словно в сомнении наконец отворилась.

Я переступил порог. Над стойкой администратора загорелось зеленое облачко светильника, а холл показался непривычно пустым и убогим. Картинки на стенах были выключены, слепо глядели серые экраны. На стойке, за которой обычно сидела веселая толстушка Шейла, стоял букетик черных фиалок, а рядом висело нечто длинное, отливающее золотом, одним концом закрепленное на подвешенной к потолку рейке. Я тупо глядел на непонятную шпугу. Легкое полотно, состоящее из отдельных волокон, завитых в колечки... Да это же материны волосы, состриженные и повешенные при входе в дом — знак полного, бесконечного траура. Доктор Ливси едва уговорил ее не стричь волосы, когда погиб отец. А теперь, значит, не убедил.

С какой стати мать меня похоронила? Я двинулся из холла в левое крыло, к ее спальне.

Коридор освещали багрово-красные светильники, имитирующие горсти раскаленных углей. В этом красноватом сумраке беззвучно отворилась дверь, и из комнаты матери вышел доктор Ливси. Застыл на месте.

Я был потрясен. В доме траур, а они... Да я рехнулся! Дэвид Ливси — врач; видно, матери

совсем худо, раз он дежурит возле нее ночью.

— Джим? — спросил он шепотом.

— Я.

— Живой?

— Да.

Он разглядывал меня, словно не верил. Черные глаза были обведены усталыми тенями и казались огромными, в пол-лица. Смоляные волосы прихвачены ремешком с петельками для перьев Птиц, которые крепятся у висков. По три перышка с каждой стороны, опущенные вниз. Траур.

— Доктор Ливси! Как мама?

Он метнулся ко мне, сгреб в объятия, стиснул так, что я охнул.

— Живой, — выдохнул он. — Черт бы тебя побрал! — Доктор отстранил меня, крепко держа за плечи, взгляделся в лицо. — Джим?

— Ну да, — я высвободился из его железной хватки. — Как вы тут?

— Вернулся, — потрясенно прошептал доктор. — Слава богу...

Уже на следующий день я готов был пожалеть, что возвратился.

Наш местный полицейский Гарри Итон и прибывший из города капитан Данс допрашивали меня на втором этаже «Адмирала Бенбоу», в малом холле. Здесь журчала и звенела вода: скатывалась

по каменным уступам стен, играя нитями водорослей, звонкими каплями срывалась с голубых ледышек на потолке, кипела в круглом фонтане. На самом деле это разноцветный пластик, а воды чуть-чуть, но красиво.

Полицейских вода раздражала. Капитан Данс то и дело проводил ладонью по рыхлым, обвисающим щекам, словно влага оседала на лице, а Гарри обтирал свою фуражку, которую держал на коленях. Черная поблескивающая ткань полицейских мундиров и впрямь казалась влажной.

— И все-таки, Джим, потрудись вспомнить, — говорил капитан, глядя на меня холодными, редко моргающими глазами. — Мы должны знать, что произошло и как. Из заповедника исчезли одиннадцать егерей, и ты единственный, кто вернулся.

— Один-единственный, — значительно подтвердил Гарри.

— Я ничего не помню, — в который уже раз повторил я.

Выстрел из станнера, крики метавшихся Птиц, желавший стать работорговцем охотник, падение в полную мрака и золотых мушек бездну, берег моря, лунный свет на камнях, вопли застрявшего меж валунов Дракона — все это было смутным, нереальным, как будто произошло в далеком сне.

Вернее, в кошмаре, от одной мысли о котором меня начинало тошнить. С самой первой ночи, с ночевки у костра, я не думал о тех событиях. Полицейские, заставлявшие это вспоминать, были мне отвратительны; я едва сдерживался, чтобы не нахамить.

Капитан Данс мне не верил.

— Десять человек бесследно исчезли.

Меня гипнотизировали его холодные неподвижные глаза. Блеклые волосы были прихвачены таким же ремешком, как у доктора Ливси, и в петельки у висков вставлены траурные сизые перышки. Странно было их видеть на приезжем: это местный обычай, а не городской.

— Десять человек, — повторил капитан. — Есть ли надежда, что они живы и еще кто-нибудь возвратится? Джим, подумай как следует и расскажи.

Я чуть не заорал на него. И шепотом ответил:

— Не помню.

С трудом подавил приступ тошноты, подкатившей, будто я сдуру наелся ядовитой чернь-ягоды. Откинулся на спинку кресла, глубоко вздохнул.

— Капитан, он весь белый, — заметил наблюдательный Гарри и подался ко мне. — Джим, ты боишься? Брось, парень. Не так уж велика твоя

вина. Ты ведь не знал, чем это кончится, а?

О чем он? Какая вина?

— Джим, — Гарри доверительно положил руку мне на плечо, — это ведь ты их научил, как поступить. Заставить егеря собрать стаю Птиц, увести ее подальше. Ведь вы, егеря, часто так делаете, верно? А тут из засады охотничек: хлоп — в егеря. Вторым выстрелом хлоп — по Птицам. Птиц — в мешок и увозят. А как обходятся с егерем? Твой примчавшийся зверь спутал им карты, и вас обоих пришлось временно убрать. Правильно я говорю? Правильно, — сам себе ответил Гарри, откидываясь назад и обтирая ладонью казавшуюся влажной фуражку. — Джим, тебя не винят в смерти... — он запнулся, бросил взгляд на капитана, — в исчезновении остальных егерей. Я верю, что ты этого не видел и не участвовал. Но ты должен описать злоумышленников, их оружие и транспорт. Это даст хоть какие-то зацепки, и мы пойдем, где искать людей.

Слушая Гарри, я рассматривал запястье, где на загорелой коже осталась светлая полоса от браслет-передатчика. Передатчик больше не нужен: Птиц в заповеднике нет. Что Гарри втемяшилось? Он подозревает меня в том, что я подучил тех убийц?

— Как вы смеете?! — неожиданно для себя я

взорвался.

— Спокойно, — поднял руку Данс. Крепкая, широкая ладонь, точно лапа у медведки. — Воздержимся от преждевременных обвинений, — проговорил он, не глядя на Гарри. — Джим, послушай. Мой сын тоже работал в заповеднике, — он коснулся сизых перышек у виска. — Я могу надеяться, что он жив, как и ты?

— Я ничего не видел. И никого не учил.

— За науку тебе заплатили две тысячи стелларов, — заявил Гарри. — В тот самый день, как ты исчез, на счет вашей гостиницы пришли две тысячи, — продолжал он. — Вернее, тысяча девятьсот семьдесят девять стелларов. Отправитель, разумеется, неизвестен. Что скажешь, Джим Хокинс?

Я поглядел в немигающие глаза капитана Данса.

— Это правда?

Он кивнул.

— Твоя мать утверждает, что лично ей эту сумму получить не от кого, — добавил Гарри. — Это твои деньги, Джим. Кстати, никто из родственников остальных егерей не получил ни гроша.

— Итак? — спросил Данс. — Ты ничего не хочешь вспомнить?

Я кое-как собрался с мыслями.

— Я понятия не имею, откуда взялись деньги. К тому же это слишком малая плата за предательство. Мистер Данс, ваш сын был Хранителем Птиц. Он бы продан за две тысячи?

Капитан поднял руки к вискам, прижал пальцами траурные перышки.

— Моему сыну, — проговорил он тихо, — не надо было жениться против воли родителей невесты. А ты хочешь взять замуж Лайну Трелони. И тебе деньги нужны позарез.

— Ее родители не возражают.

Данс хмыкнул.

— Миссис Трелони счастлива, что Лайна разорвала вашу помолвку. Так-то, друг мой. Все факты против тебя.

Я попытался что-нибудь вспомнить. Воспоминания обрели на мгновение четкость и тут же попрятались в недоступную глубину, а меня замутило, и поплыла голова. Я сполз с кресла, добрел до фонтана, сунул руку в кипучую прохладную воду. Набрал в горсть, глотнул. Чуток полегчало.

Полицейские брезгливо наблюдали. Они воображали, будто я трушу.

— Джим, стыдно, — сказал Гарри, когда я двинулся назад. — Ты отказался добыть Птицу для

Лайны, потому что знал: Птиц в заповеднике, считай, уже нет. Так?

Я помотал головой, в отчаянии от собственной беспомощности. Как убедить их, что я невиновен?

— Откуда ты пришел? — вдруг спросил капитан.

— От Смертной грязи. — Это воспоминание не было запретным, и ответ дался без труда.

— Как тебя туда занесло?

— Не знаю. — Я рухнул в кресло. — Мистер Данс, я честно ничего не помню.

— Ну вот что, — потеряв терпение, капитан резко встал. — Раз ты такой беспамятный, поедешь в клинику. И под гипнозом как миленький все вспомнишь.

— Прошу прощения, мистер Данс, — раздался задыхающийся голос, и в холл вошел Билли Бонс — едва переставляя ноги, тяжело опираясь на трость. Он втянул воздух и осилил еще одну рваную фразу: — Думаю... это хронооружие.

Старый космолетчик шатался; щеки его ввалились, он щурился и моргал, как будто обычный свет резал глаза.

— Где хронооружие? — вежливо спросил Данс и поддержал его под локоть. — Присядьте, — он подвел старика к свободному креслу.

— Джима перебросили на мгновение... в будущее, — задыхаясь, выговорил Билли Бонс. — Пространственно-временное... смещение объекта.

В горле у него хрипело и посвистывало; скоро духмяная лихорадка совсем его доконает, пронеслось у меня в голове.

— Проще всего выбрасывать в космос, — продолжал он, — но видно, они... побоялись, что на низкой орбите... тело обнаружат. А большие расстояния хрон не берет. Чертовски капризная штука. Небольшая погрешность — и Джим оказался на краю... грязи... а должен был плюхнуться в середину.

Старый космолетчик сидел в кресле, то судорожно нагибаясь вперед, то вновь выпрямляясь.

Полицейские ждали. Гарри Итон — с выражением недоверия на лице, Данс — хмурясь.

Старик протянул ко мне худую руку.

— Джим не может об этом вспоминать. Так всегда бывает. Потом вспомнит. А сейчас гипноз... — Бонса скрутил спазм, он долгих полминуты не мог вздохнуть, — гипноз его убьет, — договорил он и обессиленно прикрыл глаза, сгорбился, обеими руками сжимая свою трость.

— Это сказки? — обратился Гарри к капитану

Дансу.

Немигающие глаза капитана уставились на меня. Я едва дышал, совсем как Билли Бонс. Проклятое оружие, которое не позволяет вспомнить и рассказать, как его применяли.

— Слышал я о хроне, — внезапно сообщил Данс. — Дальность действия — около трехсот миль, и крупные объекты ему не по силам. Недешевая игрушка. Простой смертный его не купит — разве что украдет. — Полицейский провел ладонью по лицу, словно вытирая осевшие брызги фонтана, и отрешенно произнес: — Значит, они все в Смертной грязи... или на дне моря. Благодарю вас, мистер Бонс. Джим, я буду ждать, когда ты вспомнишь. До встречи.

Полицейские ушли так стремительно, как будто наш маленький холл грозило вот-вот затопить.

— Спасибо вам, мистер Бонс, — заговорил я.

Старый капитан сидел, сгорбившись, и свистел горлом.

— Скажите: гипноз меня в самом деле убил бы?

Он поднял голову и прошелестел:

— Все, что было сразу до и после воздействия... вызвало бы непере... носимость. Тебя бы тошнило... от леса, от запахов... звуков...

любого напоминания.

— Спасибо, — повторил я, пытаюсь представить, от чего меня спас космолетчик, и не зная, как его отблагодарить.

— Мистер Бонс, — в холл заглянула Шейла; казалось, ее щеки дышат жаром, как только что испеченные булочки, — вас спрашивают по дальней связи. Джим, а тебя хотела видеть миссис Хокинс. Она у себя.

Бонс вскочил на ноги, точно разом выздоровел. Отмахнулся, когда я предложил помощь, и резво зашагал по коридору, а затем вниз, на первый этаж. Аппарат дальней связи у нас возле стойки администратора, и на моей памяти им пользовались едва ли десяток раз.

Холл сиял праздничным фейерверком — это Шейла позаботилась отметить мое возвращение. Сверкающие вихри — алые, фиолетовые, золотые — плясали на стенных экранах, чем-то похожие на стаю освещенных солнцем Птиц. Я задержался, чтобы помочь капитану Бонсу добраться после разговора в номер. Его приступ бодрости вряд ли будет долгим.

Старый космолетчик нырнул под круглый прозрачный козырек, опустился в кресло и нетерпеливо ткнул кнопку связи. Экран осветился, а козырек, под которым укрылся Билли Бонс,

потемнел, не позволяя разглядеть снаружи лицо собеседника — я видел лишь смутное темное пятно. Голоса старого капитана и его визави доносились из-под козырька, похожие на журчание бегущей меж камней воды: работала глушилка.

Бонс слушал, что ему говорят, коротко отвечал, снова слушал. Затем произнес длинную фразу, сердито повысив голос, схватился за грудь и, видимо, долго не мог отдышаться — сидел, откинувшись на спинку кресла и запрокинув голову. Дальняя связь стоит немало, и я невольно сочувствовал собеседнику Бонса, которому приходилось ждать. Наконец старик снова подался к экрану.

Его убеждали, просили, чего-то требовали. Слышное мне «журчание» становилось то мягким, то громким и злым; космолетчик явно от чего-то отказывался. Потом, рассердившись, стукнул кулаком по колену, уронил трость, нагнулся ее поднять, и наружу вырвались слова, с которыми не справилась глушилка:

— Нет, Джон. Только не тебе!

Бонс выпрямился, и опять как будто забормотала в камнях вода.

— Нет! — снова рывкнул старый капитан, отключая связь, и вынырнул из-под ставшего прозрачным козырька. В светлых глазах стояла

холодная злость. — Бойся навигаторов, Джим, — бросил Бонс, направляясь к лестнице. — Они сумасшедшие.

— Все? — спросил я, соображая, стоит ли предлагать ему помощь; старик шагал твердо, сердито стучал своей тростью.

— Все как один! — воскликнул он. Остановился и буркнул через плечо: — В смысле, RF-навигаторы. Иди к матери, она тебя дождалась, — велел Бонс, когда я двинулся за ним, намереваясь расспросить об этих самых RF-навигаторах. — Ступай.

Прежде он мною так не командовал. Я и ушел.

Мать стояла у стола, на котором золотой грудой лежали ее состриженные волосы. Она улыбнулась, когда я вошел, а у меня сжалось сердце. Какая же она измученная, похудевшая, с седыми прядями в короткой, до плеч, шевелюре. Мать кивнула на разложенное на столе богатство:

— Вот не знаю, что лучше — то ли в косы заплести, то ли в пучок собрать и носить как хвост на затылке. То ли не портить, а отдать мастеру в городе, чтобы сделал шиньон. Как ты считаешь?

— Лучше не портить.

«Не надо было стричь, — добавил я мысленно. — Зачем похоронила меня раньше срока?»

Мать точно услышала.

— Я ощутила, как тебя убили, — сказала она. — Тебя не было в живых, понимаешь? У меня сердце остановилось... — Она осеклась, потому что терпеть не могла жаловаться. — Ладно, я не о том. Ты с Лайной уже разговаривал?

— Нет.

Я постарался не выказать обиды. В поместье Трелони с самой ночи знают, что я вернулся, а Лайна до сих пор не изволила не то что меня навестить — даже слово сказать по ближней связи. Неужели все еще дуется за пощечину, что я дал?

— Поезжай к ней. — Мать вынула из стоящей в углу вазы букет оранжевых лилиан, перевязанный ее собственным золотым локоном. — Подари цветы и помирись.

Я взял тяжелый букет. Яркие лилианы как будто светились каждым изогнутым лепестком.

— А это зачем? — я коснулся локона.

Мать гордо выпрямилась.

— Это — знак, — заявила она, — что я, твоя мать, готова принять в свой дом дочь — твою жену. Так всегда делается.

Я не слышал о таком обычае, и меня взяло сомнение.

— Ты ничего не пугаешь?

— Отправляйся, — с непонятым

раздражением велела мать. — Не то оглянуться не успеешь, как ее выдадут за другого.

Выйдя из «Адмирала Бенбоу», возле парковочной площадки я наткнулся на Билли Бонса. Старый космолетчик сердито грозил тростью Дракону, который скалил зубы и ворчал, распластавшись под моим скутером. Черный гибкий хвост хлестал по земле.

— Опять ссоришься с Билли? — спросил я кургуара. — Пошел вон.

Дракон задом пополз из-под скутера.

Капитан Бонс повернулся ко мне.

— Этот твой полицейский, — спросил он с хрипами и присвистом, — уже тю-тю?

— Тю-тю, — подтвердил я. — Но с Гарри легко связаться...

— На хрена мне безмозглый Гарри, — перебил Бонс, клопоча горлом. — Мне нужен Данс. К фифе своей собрался? Ну, поезжай, поезжай. — Напоследок погрозив Дракону кулаком, капитан заковылял ко входу в гостиницу.

Кургуар повернулся к нему кормой и поскреб землю задними лапами, выражая космолетчику презрение.

— Невоспитанная тварь, — сказал я и прикусил язык: не принял бы это Бонс на свой счет. Ну так и есть: услышал и что-то забурчал себе под

нос.

До чего все стали нервные, пока я отсутствовал...

Поместье Трелони стояло... нет, пожалуй, раскинулось... или еще лучше — громоздилось на берегу Жемчужной лагуны. Красивейшее место было испорчено бездарным архитектором: на обширном участке свели лес, сровняли голубовато-белые дюны и возвели нелепое, кричащее о богатстве своих владельцев сооружение. Как будто собрали по разным планетам несколько дворцов, свалили их в кучу и кое-как скрепили воздушными мостиками и галереями. Разве что парк вокруг интересный: ни одного растения с Энгелланда, только диковинные инопланетные гости. Каприз миссис Трелони, за который бедный (то есть, очень богатый, но порядком затюканный) сквайр расплачивался, кряхтя и сетуя на жизнь.

По широкой дороге я подъезжал к белокаменным воротам. На их высокой арке жил прилипал: не то животное, не то растение, похожее на отвратительный бурый нарост. С той поры, как я видел его в последний раз, прилипал порядком разросся и свесил вниз парочку тонких хвостов — или плетей, если он все-таки растение. Хвосты закручивались штопором и выглядели опасно

острыми на концах.

Из-за рощицы огненных деревьев — пышущих жаром, с ослепительно-красными листьями — вынырнул маленький глайдер. Он лихо пролетел под аркой ворот, сбив оба прилипаловых хвоста, и спикировал на дорогу прямо перед моим скутером.

Из глайдера выскочило существо с фигурой человека в охотничьем костюме и с серебристой мордой снежного рысюка. Короткая шерстка поблескивала морозным инеем, чуткий звериный нос трепетал от дыхания. Светлые прямые волосы были прихвачены ремешком, который едва держался на покато́м рысючьем лбу.

Я откинул колпак скутера.

— Привет, — сказал человек-рысюк, поправляя ремешок и глядя на меня прозрачными зеленоватыми глазами. — Я твой друг Том Редрут.

— Неужели? — усмехнулся я.

— Точно тебе говорю. — Клыкастая пасть приоткрылась в улыбке. Том Редрут протянул мне обе руки и, когда я протянул навстречу свои, с чувством их пожал. — С возвращением!

Руки у него были молодые и крепкие, голос звонкий, а его настоящего лица я никогда не видел. На людях Том появлялся в масках из биопласта, пугая гостей сквайра кривым клювом драчливой

соньки, поражая приятельниц Лайны красотой сказочного принца, или, как сейчас, удивляя чужих мордой хищного зверя. Встречал я Тома редко, другом моим он не был, и вообще непонятно, чем он занимался в поместье Трелони. Я бы сказал, что Редруг — придворный шут.

Он небрежно облокотился о мой скутер.

— Ответь, друг мой Джим: куда путь держишь?

— В поместье, — сообщил я очевидное.

Черный рысучий нос пару раз дернулся, и Том обронил:

— Ты нынче в немилости.

— Что так?

Он вдруг нагнулся, и серебристая морда оказалась у самого моего лица.

— Извини меня, но ты — продажный егерь и пособник убийц, — тихо проговорил Том. — В правительстве готовится закон, что Птицы — национальное достояние Энглеланда, а ты помог сие достояние спереть.

— Ты в это веришь?

— Я-то нет. Но прочие убеждены. Миссис Трелони подогревает страсти. И еще с этими деньгами, которые ты получил... Да, друг мой Джим, угодил ты в переплет.

— А что Лайна?

— С ней сам потолкуешь, — неожиданно сухо отозвался Том. Его глаза остановились на букете, лежавшем на сидении рядом со мной. Том почесал за ухом; прикрытые волосами уши были человеческие. — Послушай, друг Джим, — начал он неуверенно, — оно вроде бы и не мое дело... Но ты едешь к Лайне ссориться или мириться?

— Мириться.

— Тогда выбрось эту дрянь, — он подцепил букет за локон, и тяжелые лилианы повисли головками вниз, сминая лепестки.

— Убери лапы! — Разозлившись, я отнял букет и захлопнул колпак скутера; Том едва успел отдернуть руку.

С трудом, едва не опрокинувшись в канаву, я обогнул перегородивший дорогу глайдер, а человек-рысюк стоял и смотрел мне вслед. Чертов шут, снышь ему в оба глаза! Смеет обзывать дрянью то, что вышло из рук моей матери.

Нелепое сооружение показалось из-за верхушек деревьев и с каждым метром, что проползал мой скутер, надвигалось на меня и возносилось все выше в небо. Башни, шпили, витражи, арки, колонны, скульптуры, лепнина, каменная резьба, позолота, мозаика, литье... и множество всяких штук, которым я и названия не знаю. Вот зачем, к примеру, из глухой стены торчат

зеленые палки? А рядом — повисшее в пустоте окно: две рамы со стеклами и розовая занавеска в цветочек.

Я остановил скутер у парадного входа и двинулся вверх по прозрачным, как морская вода, голубым ступеням. Обычно они пели под ногами, а стоящие по бокам фигурки закутанных в пену наяд кланялись пришедшим, но сегодня лестница молчала, и наяды меня игнорировали. У Трелони гостей не ждали — механизм не был включен.

Больше того: я уперся в закрытую дверь. Ее черное зеркало с мрачной насмешкой отразило мое лицо и оранжевый букет. Лицо выглядело коричневым, словно я вымазался в грязи, яркие лилианы потускнели. Можно было поворачивать обратно.

Все же я ткнул кнопку переговорного устройства и попросил доложить о себе мисс Кэролайн. Спустя полминуты дверь отворилась, и я вошел в угнетающий своей роскошью холл.

Через анфиладу комнат мне навстречу размашисто шагала миссис Трелони, а за ней попевала Лайна. Темные волосы хозяйки поместья были по-домашнему заплетены в толстую косу, которая подпрыгивала у нее на груди и извивалась, как змея; над ухом был пришпилен пучок оранжевых перьев. У Лайны на голове было что-то

немыслимое: волосы, которые я так любил, были скручены в дурацкие валики, а концы их торчали султанами и мотались в разные стороны. Будь это одна из ее подружек, я помер бы со смеху. Но маленькая, хрупкая Лайна показалась мне беззащитной и совсем не смешной.

— Джим, мы рады, что ты жив, — раздался надменный голос миссис Трелони. Она остановилась метрах в двух от меня; Лайна испуганно глядела из-за ее плеча. — Ты всегда был желанным гостем в нашем доме, и я с легким сердцем готова была отдать тебе в жены свою дочь. Ты добросовестно выполнял свой долг, и я не знала более ответственного и обязательного человека, чем ты.

От этих похвал и от испуганного лица Лайны у меня похолодело внутри.

— Я не понимаю, — голос миссис Трелони поднялся, отдаваясь где-то наверху металлическим звоном, — что тебя толкнуло на гнусное преступление. Ради жалких двух тысяч...

— Мама! — вскрикнула Лайна.

— ...ради тысячи девятисот семидесяти девяти стелларов, — с ядовитой точностью продолжала хозяйка поместья, — ты снюхался с ворами и убийцами и потерял все: свое доброе имя, наше уважение, Лайну, ее приданое, наконец, —

миссис Трелони широким жестом обвела стены и потолок с мозаикой и позолотой.

— Мама, — всхлипнула Лайна. — Ты не права...

— За-мол-чи! — отчеканила ее мать. — Вопрос решен. Этот человек не переступит порог нашего дома и не прикоснется к тебе никогда.

Обогнув ее, я встал перед Лайной.

— Я пришел сказать, что люблю тебя и ни в чем не виноват. Возьми, — я протянул ей букет.

Не стой рядом миссис Трелони, я подыскал бы слова получше. Да и эти не успел договорить, а хозяйка поместья завизжала как резаная:

— Что-о?! Как ты смеешь?! — Она выхватила цветы, к которым только-только прикоснулись робкие пальцы Лайны, и сунула стебли мне в лицо.

Я отшатнулся, сдерживаясь. Не драться же с разъяренной миссис. Ее перекосило, букет трясся в руках.

— Ты! — она дергала длинный локон, пытаясь его оторвать. — Нет, ты погляди! — миссис Трелони обернулась к Лайне. — Они смеют тебя упрекать! Его мать, мол, в трауре постриглась, а ты нет! Какова наглость! Владельцы нищей таверны!.. Вон отсюда, — приказала она, внезапно перестав кричать и придав перекошенному лицу выражение холодного достоинства.

— Извини, если что-то не так, — я смотрел в перепуганные глаза своей любимой. — Я не хотел тебя обидеть.

— Вон отсюда, — повторила миссис Трелони, оглядываясь, готовая позвать охрану и вышвырнуть меня силой.

— Ты не виноват, — проговорила Лайна, чуть не плача. Султаны у нее на голове закивали вразнобой.

— Пошел вон! — миссис Трелони с хрустом переломила стебли и швырнула искалеченный букет на пол. — Харди! — завопила она пронзительно. — Эдвардс! Где эти ублюдки? Харди, сюда!

Охрана не торопилась.

— Уходи, — прошептала Лайна; она побледнела, губы стали пепельными. — Уходи скорей.

— Я люблю тебя.

— Уходи.

Миссис Трелони вопила громче потревоженного в гнезде вислоухого ревуна:

— Эдвардс, Харди! Быстро сюда!

Я ушел. Зеркальная дверь захлопнулась, отсекая вопли хозяйки поместья; стало удивительно тихо.

Я сбежал по голубым ступеням. Где мой

скутер? Площадка перед дворцом была пуста, лишь стояли по краю красно-бурые кактейсы с колючками длинней моей ладони. От ночного заморозка кактейсы скукожились и стояли сморщенные, будто съели гадость.

Черт с ним, не буду искать. Потом свяжусь с Томом Редрутом, раз уж он назвался моим другом, попрошу найти скутер и пригнать к «Адмиралу Бенбоу». Я зашагал по аллее к воротам. От Смертной грязи домой дошел — от «Жемчужной Лагуны» и подавно доберусь.

Я шел и ничего не видел, кроме дороги под ногами. Глупая, злобная тетка — что я ей сделал? Уж который год я знаком с Лайной; мамаша всегда мне улыбалась. Лицемерка. Лгунья. Видно, всполошилась, когда речь всерьез зашла о свадьбе. Наверняка она же подучила Лайну потребовать у меня дикую Птицу. Правильно рассчитала, что мы поссоримся.

А моя-то мать хороша. Зачем перевязала букет локоном? Как нарочно, чтобы меня обругали и выгнали. А может, с умыслом и перевязала? Чтобы я увидел миссис Трелони во всей красе?

И как теперь быть? У меня больше нет Птиц, нет работы в заповеднике. Есть гостиница, приносящая скромный доход... Что станет делать в ней Лайна? Сидеть администратором вместо

Шейлы? Или в горничные пойдет?

Еще у меня есть странная сумма в тысячу девятьсот семьдесят девять стелларов. Надо же, какую свинью мне кто-то подложил... Не бедный, однако, человек.

Краем глаза я засек легкое движение на обочине. И остановился, удивленный. Закрученный штопором хвост прилипала, сшибленный глайдером Тома, с угрюмой методичностью ввинчивался в землю. Я сломал ветку растущей рядом кленовицы и коснулся толстого штопора. Он замер на несколько секунд и снова принялся медленно бурить землю, уходя вглубь.

— Это прилипал-убийца, — раздался за спиной звонкий голос.

Я обернулся. Человек-рысук сидел в моем скутере, откинув защитный колпак, а скутер парил над дорогой, подплывая ко мне.

— Антигравы заменил, — Том соскочил наземь. — Со своей машины снял; Трелони не хватятся.

— Спасибо, — пробормотал я, растерявшись. — Царский подарок.

Новые антигравы обошлись бы мне почти в стоимость скутера.

Серебристая рысучья морда обратилась к трудолюбиво заглублявшемуся штопору.

— Убийца, — повторил Том. — Вот так свалится с высоты — и пробьет башку. И защитный колпак пробьет, — он хлопнул ладонью по корпусу скутера. — И броню боевого вездехода провинтит.

— Так какого рожна он тут висит?

— Гостей вроде тебя провожает. — Том пнул поворачивающийся штопор; тот замер. — Кабы я их не сшибал, давно бы в чьи-то головы ввинтились.

— Скажи правду: прилипала для дела держат?

— По недомыслию, — буркнул Том. Верхняя губа приподнялась, как у моего кургуара, обнажив белоснежные клыки. — Стерва она! — со злой обидой заявил человек-рысук. — Тебя впервые расчихвостила, а я знаешь сколько натерпелся? Ты-то сейчас уедешь, а мне туда возвращаться. Глаза б мои на ее богатства не глядели. Думаешь, эту дрянь на деньги сквайра развели? — Том ткнул пальцем в сторону парка; белое пушистое облако у входа присело и дернулось прочь, словно ошпаренное его ненавистью. — Ни хрена. Она владеет серебряными рудниками на Крольчарнике. Оттуда и деньжищи. Отдаст она за тебя Лайну, жди. Девчонка должна удачно выйти замуж и приумножить семейную казну. А ты кто? Безработный сын нищей трактирщицы. А я кто? — Он не стал отвечать на свой вопрос и с

остервенением пнул снова начавший трудиться штопор. — Свалить бы отсюда куда подальше. И сквайр о том же мечтает, но с духом не соберется.

Обязанный Тому новыми антигравами, я вежливо слушал его жалобы. Он сменил тему:

— Почему ты не спросишь, отчего я хожу в маске? Меня все спрашивают, один ты ни гу-гу.

— Так ведь не скажешь. — Как бы отделаться от него, не обидев?

— Правильно, — обрадовался Том. — Слушай, друг Джим, я напишу завещание: когда помру, тебе будет разрешено снять с меня маску. Тогда ты поймешь, отчего я их ношу.

— Мне это надо?

— Мне надо, — Том шлепнул себя ладонью по груди. — Меня утешит мысль, что хоть один человек узнает, за что страдал несчастный Том Редрут, вынужденный скрываться под личиной рысюка или кровожадной цапелищи. — Прозрачные зеленоватые глаза подернулись влагой — так остро он вдруг себя пожалел. — Впрочем, ты не доживешь. Тебе, друг Джим, вообще осталось жить недолго.

Кажется, он перестал валять дурака и говорил серьезно.

— С чего ты взял?

Черный рысучий нос затрепетал, словно

вынюхивая опасность.

— Тот человек пустил хрон в дело одиннадцать раз. И не поленится сделать это снова, чтоб ты ненароком не вспомнил чего-нибудь ему во вред. Будь осторожен, друг мой Джим. Пока!

Том опять протянул мне обе руки, как при встрече. Крепкое, душевное пожатие — и он стремительно зашагал по аллее к несуразному дворцу миссис Трелони. Тонкий, гибкий, еще не заматеревший; от силы лет на пять старше меня. Кто он, этот «несчастный Том Редрут»? И откуда он знает про хронооружие, о котором Билли Бонс говорил с полицейскими? От сквайра? А тому рассказал капитан Данс? Ну, разве что...

Глава 5

Возле «Адмирала Бенбоу» стоял глайдер с эмблемой клиники доктора Ливси: буквы ДЛ и распустившая хвост Птица, похожая на украшение из драгоценных камней. У меня сжалось горло. Нет больше диких Птиц на Энглеланде.

— Джим, у нас беда, — встретила меня расстроенная Шейла. Она перебирала в вазочке на стойке свежие черные фиалки. — Капитан Бонс умер. Звал тебя, надеялся, что успеешь... И с полицейским хотел поговорить. Это его разговор по

дальсвязи так взволновал... и огорчил... — Шейла сморгнула слезинки. — Бедный мистер Бонс. Он что-то для тебя оставил; спроси у миссис Хокинс.

Оглушенный, я побрел в номер Билли Бонса. За то время, что старый космолетчик у нас прожил, я привязался к нему больше, чем к живущему в городе родному деду.

Попрощаться с ним не удалось: в номере сидели две медсестры в одинаковых зеленых халатах и обсуждали свои дела. Я постоял возле накрытого простыней капитана, глядя на едва угадывающееся под белой тканью худое лицо, и пошел к матери.

Забыв постучаться, я отворил дверь. Мать стояла, отвернувшись к окну, и ее обнимал за плечи доктор Ливси. На его смоляных волосах уже не было ремешка с петельками для траурных перьев, но скорбные складки у рта не разгладились.

— Я просто не знаю, как быть, — говорила мать надломленным голосом. — Джим не станет заниматься гостиницей, ему это не надо...

— Извини, — мягко перебил ее доктор. — Джим, вон на столе — подарок от мистера Бонса. Только он не велел смотреть... и твердил о каких-то навигаторах.

На столе была плоская черная коробочка с полустертыми белыми буквами: RF.

— Он бредил, — печально добавила мать, не оборачиваясь. — Говорил, что это твои Птицы.

А еще Билли Бонс советовал опасаться сумасшедших RF-навигаторов. Я открыл коробочку. Внутри лежал кристалл памяти для универсального компа. Обычно такие кристаллы густо-зеленые, а этот был глубокого синего цвета.

Доктор Ливси по-прежнему обнимал мать за плечи и ждал, когда я уйду. Я убрался, мимоходом задавшись вопросом, хочу ли я, чтобы доктор занял место моего отца. Пожалуй, не хочу.

У себя в комнате я подсел к компу и вошел в информсеть. Что мы имеем? RF-навигаторы — навигаторы на космических кораблях с RF-тягой. Допустим. RF-тяга — движитель, работающий на RF-принципе. Замечательно. RF-принцип — принцип передвижения космических кораблей, разработанный Рональдом Фростом; в настоящее время мало используется. Превосходно. С таким багажом знаний можно смело пускаться в звездоплавание с самыми безумными из RF-навигаторов.

Я выудил из коробочки дар капитана Бонса. Вообще-то кристалл как кристалл, но чертовски скользкий — трижды выскользывал из рук, прежде чем удалось вложить его куда надо. Почему Бонс не велел смотреть запись? «Он бредил», — сказала

мать. Наверное. Ну, тогда поглядим. Я нажал кнопку считывания. На экране появилась надпись:

RF

Не защищен.

OK?

Несколько секунд я размышлял. Кристалл не защищен? Как это может быть? Впрочем, обычный просмотр повредить ему не может. Значит, ОК.

Больше ничего не спрашивая, комп начал выбрасывать на экран бессмысленные картинки. Крутящаяся зеленая спираль на черном фоне, плавающие в белом тумане красные пятна, желтые глаза в лиловом сумраке, золотистые и зеленые вспышки, линии, вихри... Меня замутило, но я не мог оторваться — разноцветное движение завораживало, затягивало и уносило в не поймешь какую даль. Слегка кружилась голова; меня покачивало, словно пытаюсь успокоить, и одновременно тревожило; внезапно я затосковал о чем-то недоступном и несбыточном, отчаянно захотелось покинуть свой мир, обратиться сверкающей искрой и нырнуть в глубину экрана, и утонуть там, улететь, унести... Сдается мне, я таки нырнул.

И долго-долго не мог вынырнуть обратно. Волшебная круговерть давно сменилась бесконечной глухой пустотой, а я все носился во тьме, как потерявшийся детеныш ночного мышака.

— ...Непростительное легкомыслие, — услышал я внезапно.

Открыл глаза. Свет — мягкий, неподвижный, без сполохов и круговерти.

— RF запрещен в половине миров, вам это известно?

Я повернул голову. Солидный немолодой господин выговаривал доктору Ливси, а доктор слушал с видом провинившегося мальчишки. Я не сразу его признал. Понадобилось несколько секунд, чтобы я вспомнил, чья эта поджарая фигура, черные волосы до плеч, большие глаза, обведенные усталыми тенями. И комната, в которой я лежу на постели, — моя комната, но я вижу ее как будто впервые, и все внове непривычному взгляду. Да еще вокруг разные штуки, приборы; по-моему, что-то медицинское.

— Это преступление, вы понимаете? — продолжал солидный господин. — Как можно было допустить...

Тут доктор Ливси заметил, что я на него смотрю.

— Джим! — воскликнул он и порывисто

шагнул ко мне, нагнулся, накрыл мою руку своей. — Очнулся... — У него дрогнул голос. — Ты меня узнаешь?

— Узнаю, — ответил я; получилось тихо и не слишком внятно.

Солидный господин тоже подошел — вернее, подскочил — к моей постели.

— Джим?

— Да, я. — Поскольку он явно был наслышан о разработках Рональда Фроста, я рискнул осведомиться: — Это правда, что все RF-навигаторы сумасшедшие?

— Черт побери! — Господин совершенно не солидно хлопнул себя по бедрам — аж звон пошел. — Проснулся да еще вопросы задает.

— Я мог не проснуться?

— Вот именно. Или проснуться идиотом. Послушайте, Ливси, это потрясающе. Вашему парню зверски повезло. Ну-ка, позвольте, я присяду, — он подтянул себе кресло и уселся рядом со мной.

Доктор Ливси отвернулся и сутулясь отошел к окну. У солидного господина азартно горели глаза.

— Джим, я буду говорить, а ты помогай. Начали. Добрый — злой, щедрый — ...

— Жадный, — сказал я.

— Высокий — долговязый, низкий — ...

— Малорослый.

— Скворуха, сонька, ключница — птицы; кургуар, красный волк, крольчар — ...

— Исконные обитатели Энглеланда, существа высшего порядка, намного превосходящие интеллектom пришлых людей.

Доктор Ливси обернулся, как будто потрясенный моей нехитрой шуткой. Солидный господин радостно засмеялся:

— Молодец.

Я ответил еще на сотню вопросов, и лишь тогда он с довольным видом поднялся из кресла.

— Похоже, обошлось, — сказал он доктору Ливси. — Джим, а как ты попал к Смертной грязи, помнишь?

Я дернулся, схватился за горло и судорожно сглотнул, точно от приступа тошноты, и господин оставил меня в покое. А я как раз все вспомнил. Но и предостережение Тома Редрута не забыл и не желал трепать языком перед кем попало, будь он хоть трижды врач, городское медицинское светило.

Доктор Ливси ушел проводить светило к выходу, а я вылез из постели и отправился в душ. Руки в следах инъекций от кисти до плеча. Сколько же времени я провалялся?

— Больше двух суток, — сказал доктор Ливси, когда я его спросил, возвратившись из душа.

— Мэй-дэй... А как мама?

— На снотворном.

Я кинулся к двери.

— Не беги, она спит, — остановил меня доктор. Он со стоном повалился в кресло, прижал ладони к лицу. — Господи, Джим... Ну и задал ты нам хлопот — Доктор Ливси опустил руки. В усталых глазах был печальный укор. — Я консультировался с десятком клиник. Коллеги давали самый неутешительный прогноз. RF смертелен для обычных людей; ты должен был умереть, не выходя из комы. И тебя ведь предупреждали, чтобы не смотрел запись.

— Простите, — сокрушенно пробормотал я.

— «Простите», — с болезненной гримасой передразнил доктор. — У матери будешь просить прощения — ты ее в могилу чуть не свел. — Он помолчал, не глядя на меня, и от этого молчания впору было провалиться. — О тебе сильно тревожился твой приятель в маске, — сообщил доктор. — Без конца здесь крутился.

— А Лайна?

— Лайны не было.

— Но она хоть спрашивала?

— У меня — нет, — сухо ответил доктор Ливси.

— Ее держат под замком и следят за каждым

шагом.

— Может быть. Ладно; я заберу кристалл и пойду. А ты можешь с ней разговаривать.

Он магнитным ключом открыл нижний ящик моего стола. Там лежали коллекции ракушек и камней, разные инопланетные сувениры, что отец покупал мне в Бристле, какие-то сушеные листья... Но коробочки с полустертой надписью RF я не увидел.

— А где?.. — Доктор резко выпрямился. — Джим?

— Я не брал.

— Джим! — воскликнул он, бледнея.

— Вправду не брал. Я был в душе... и в коме.

Задрожавшими руками доктор Ливси перебрал коробки с коллекциями.

— Черт... Я же сам туда спрятал. Едва тебя нашли. Ты лежал грудью на столе, ткнувшись головой в экран... — Он перешерстил содержимое остальных ящиков. — Ума не приложу...

— Полиция забрала? — предположил я.

— Нет. — Доктор Ливси неожиданно смутился. — Я... я им не отдал. Это ведь не орудие преступления; зря они Бонса подозревали.

Я не понял, о чем речь, но не стал спрашивать; сейчас меня волновало другое:

— Кто здесь бывал, кроме вас?

— Ну, — доктор вздохнул, собираясь с мыслями, — твоя мать, Шейла.

— Не воры.

Он кивнул и продолжил:

— Медсестры из нашей клиники.

— Этих допросим как следует.

— Два моих заместителя, врач от сквайра Трелони, врач из города, профессор Лус, которого ты видел; он проездом на Энглеланде... И твой приятель без лица. — Доктор выпрямился. — Он самый. Я заявлю в полицию.

— Не надо, — вырвалось у меня. — Пожалуйста.

— Джим, RF-запись — слишком опасная штука.

— Я поговорю с Томом...

— Чтобы он зарыл кристалл в лесу? — перебил доктор Ливси. — А потом налепил маску Джима Хокинса и принес кристалл кому-нибудь из своих врагов?

— Том такого не сделает.

— Откуда тебе знать?

— Я — Трижды Осененный Птицей. Я чувствую, — ответил я, и доктор не нашел, что возразить.

Однако он не позволил мне связаться с поместьем Трелони и сам набрал код, потребовал

Тома Редруга. Спустя несколько секунд на экране возникли фиолетовые перья, круглые глаза и крючковатый клюв лесной сусанны. Клюв приоткрылся, перья на лбу встопорщились.

— Здравствуйте, мистер Ливси, — вежливо поздоровался Том. — Джим! — вскричал он, когда я наклонился к плечу доктора и Том увидел меня на своем экране. — Очнулся!

— У тебя есть двадцать минут, чтобы вернуть кристалл, — отчеканил доктор Ливси; каждое слово было точно удар хлыста. — Через двадцать минут я ставлю в известность полицию.

Круглые глаза растерянно моргнули, крючковатый клюв щелкнул.

— Понял, сэр, — кратко отозвался Том. — Ждите.

Доктор Ливси выключил связь и шепотом выругался.

Снаружи донесся тоскливый вой, как будто чье-то измученное сердце разрывалось от горя. Я ринулся вон из комнаты, пронесся по коридору, промчался мимо Шейлы за стойкой и выскочил из гостиницы, под студеный осенний ветерок. Небо было ясное, и всюду светило солнце.

— Дракон! — вскрикнул я. — Это кто ж додумался?

Мой зверь лежал, наполовину вывалившись из

конуры, уронив голову между вытянутых передних лап. В слезящихся глазах стояло отчаяние; рядом на земле блестела цепь, которой он был прикован. На крыше конуры, уместившись между игрушечных шпилей и башенок, сидел полный сочувствия Рысь. Наш котун — белый, с рыжими пятнами, точь-в-точь лесной рысюк в миниатюре — горестно мяукал и пытался лапой достать Дракона, как будто хотел похлопать по плечу.

Увидев меня, Дракон с усилием приподнял голову и пополз, волоча начавшие отниматься задние лапы. Новый тоскливый вой разнесся над берегом. Рысь издал негодующий мяв: дескать, вы, люди, спятили — держать кургуара в неволе?

Подбежав, я отстегнул цепь и снял ошейник. Дракон лежал, горько постанывая и закрыв глаза.

— Какой урод это сделал? — обрушился я на подбежавшую Шейлу.

— Я, — пискнула она жалобно. С ее жарких щек сходил цвет. — Джим, он бесновался. Рвался в бар, рычал, царапал дверь.

— Что тебе понадобилось в баре? — строго обратился я к кургуару.

Он приоткрыл один глаз и протяжно вздохнул. Рысь спрыгнул с крыши конуры, лизнул приятеля в нос и вальяжной походкой двинулся по своим котуньим делам.

— Там посетители пришли, — виновато объяснила Шейла, — а Дракон вдруг как начал орать и ругаться! Вот и пришлось... Как ты себя чувствуешь? Мы ужасно перепугались. Принести тебе коффи? Или что-нибудь теплое надеть? Холодно. — Сама она дрожала в тонкой блузке.

— Ничего не надо, спасибо.

Шейла убежала, а ей навстречу по лестнице спустился доктор Ливси, принес мою куртку с уже включенным подогревом. Я влез в нее и почувствовал себя замечательно. Напоенный солнцем и солью ветер с моря охлаждал лицо и бодрил.

— Пройдемся? — предложил доктор и двинулся через пляж к воде.

Оживший кургуар заковылял следом за нами.

Мы подошли к полосе мокрого песка, где прокатывались, оставляя скупую белую пену, невысокие волны. Доктор Ливси долго смотрел на синюю, с бликами, воду, щурился от ее блеска.

— Странно, — тихо произнес он. — Врачи на тебе поставили крест, а твой птицезверь твердил как заведенный: «Джим не умрет, этого не может быть». Можно подумать, ты ожил его молитвами.

Интересно, к кому Том Редрут воспылал внезапной любовью — ко мне или кристаллу, который собирался украсть? И ни черта ведь не

прочтешь на его зверской морде.

Из-за мыса, скрывавшего Жемчужную лагуну, вынырнул маленький глайдер. Подлетел, стремительно снизился над берегом и лихо приземлился, взметнув песок. Открылась дверца, и из кабины выскочил — у меня сердце оборвалось — мой отец. Ах, нет. Нет. Вглядевшись, я по фигуре признал Тома Редрута, а его очередная маска всего лишь на миг показалась мне родным лицом.

Том подбежал к доктору Ливси и со словами «Повинную голову меч не сечет» бухнулся перед ним на колени, а потом и вовсе распростерся, зарывшись лбом в песок.

— Виноват, сэр! Простите, сэр! — прокричал он.

— Вставай, — доктор Ливси брезгливо поморщился. — Привез?

Том поднялся на колени и полез за пазуху.

— Вот, — он извлек знакомую черную коробчонку, большой конверт и сложенный листок бумаги. — Вам письмо от сквайра, сэр, — Том отдал доктору коробчонку и конверт. — А это тебе, — он протянул мне листок.

Все-таки он в своей маске был слишком похож на моего отца. Я взял Тома за шиворот и поставил на ноги, не в силах смотреть, как

дурачится и стоит на коленях человек с лицом Рудольфа Хокинса.

Затем я развернул листок. Почерк Лайны — неровный, с ломающимися посередине буквами. «Я люблю тебя. Л.Т.»

— Всегда рад помочь несчастным влюбленным, — объявил Том, отряхивая песок с живота и колен. Он широко улыбнулся, и эта улыбка опять до боли напомнила мне отца.

Я спрятал записочку Лайны; доктор Ливси тщательно изучил, что написал ему сквайр Трелони. Было-то — я видел — всего несколько строк.

— Ладно, — кивнул он в конце концов. — Ничего не понимаю, но сейчас с ним свяжусь. Джим, я воспользуюсь аппаратом в твоей комнате?

— Конечно, пожалуйста. — Когда доктор Ливси отошел, я обернулся к Тому: — Тебе не стыдно?

— Ничуть. Пойдем куда-нибудь, я объясню.

— Его зеленоватые — не отцовы — глаза внимательно оглядели море и берег. На пляжах было пустынно: всех разогнал холодный ветер. Том поежился.

— Да хоть бы в вашем баре посидим. Выпьем за счет заведения, — он озорно подмигнул.

Вот так же, бывало, подмигивал мне отец.

Лучше бы Том явился с фиолетовыми перьями и клювом.

Я медленно двинулся к «Адмиралу Бенбоу». Ноги не шли, совсем как лапы у моего кургуара; и не потому, что я двое суток отвалился в коме.

— Джим, друг, — встревожился Том, — тебе нехорошо?

Я помотал головой. Он не успокоился:

— Я что-то не то ляпнул?

— Ты в этой маске похож на моего отца, — признался я с неохотой.

— Ох. Мне никто не сказал...

— Он погиб два года назад. Кто его помнит у вас в поместье?

— Извини. — Том расстроился. — Мастер с такой гордостью мне ее продал! Мол, давно уже столь удачных масок не получалось.

— Снял бы ты ее, а?

— Не могу. Нельзя.

— Мэй-дэй! — Меня разобрала злость. — Что ты от меня-то хочешь?

— Поговорить. Джим, друг, не сердись. Подожди.

Том вытащил из-под куртки тонкий кинжал и полоснул лезвием по лбу и под глазами, сделав два бескровных разреза через все лицо.

— По-настоящему это не так делается...

Ногтями он подцепил у висков наложенный биопласт и резким движением отодрал кусок загорелой «кожи» с густыми бровями и прорезьями, которые были окаймлены щеточкой темных ресниц. Собственная кожа Тома оказалась белая, не знающая солнца, усеянная крошечными капельками выступающей крови.

— Так лучше?

Я отыскал в кармане куртки обеззараживающую салфетку.

— Промокни кровь. Больно?

— Ерунда.

Том соврал: у него даже слезы навернулись. Он скатал оторванный кусок маски в трубочку, завернул в салфетку и бережно спрятал.

Ну что за человек навязался мне в друзья?

Мы вошли в бар, оставив смиренного, пришибленного Дракона за дверью. Кто ему тут не понравился? Предоставив Тому выбирать у автоматической стойки угощение, я оглядел посетителей. Городские. Похожи на отдыхающих, которые кочуют по берегу от гостиницы к гостинице и в каждой посещают ресторан или бар. Три девушки более или менее трезвы, а четверо парней набрались изрядно. Лишь пятый, что выглядит старше прочих, кажется трезвым. Все понятно: Дракон пьяных на дух не переносит. Да и

наша автоматика спиртного им больше не отпустит; разве что заказ сделает «трезвеннику» либо одна из девушек.

С кружками пенистой медовухи и плоской теплой, только что пожаренных орехов лещинки мы устроились за столиком у входа. Я бы выбрал дальний угол, где потемнее и не так заметна белая, в кровавых крапинах, полоса у Тома на лице, но его самого она как будто не смущала.

Он с удовольствием отхлебнул медовухи и отправил в рот горсть орехов.

— Я, друг мой Джим, вот о чем хотел потолковать. Старый Билли Бонс не был идиотом; коли он сказал, что в кристалле твои Птицы, значит, так оно и есть. С помощью кристалла их можно найти. Я расспросил знающих людей и кое-что выяснил. RF так зовется по имени разработчика, Рональда Фроста. Но чаще это расшифровывают как «фактор риска». А космолетчиков с таких кораблей называют *risky fellows* — рискованные парни. RF-корабли чертовски выгодны. Они летают далеко и быстро — шныряют по галактикам, как ты на скутере по лесу. Прежде RF был очень популярен, но сейчас выходит из употребления.

— Запрещен в половине миров, — повторил я услышанное от профессора Луса.

— Не то, чтобы запрещен, — возразил Том, —

но не поощряется. Хотя мне не смогли объяснить, почему.

— Потому что это натуральное убийство.

— Да нет же. RF-запись может — и должен — читать специалист, *risky fellow*. То, что твоя запись не имеет защиты от простых смертных вроде нас с тобой, — вот это преступление. Или головотяпство. Полицейские даже задавали вопрос: не желал ли старина Бонс отправить тебя на тот свет, чтобы не скучать одному?

— Чушь.

— Полная, — охотно подтвердил Том. — И доктор Ливси то же самое говорил, возмущался, что они старика подозревают. Полицейские хотели забрать кристалл как вещдок, а он не позволил — из принципа.

— Ну, а почему я выжил?

— Повезло. — Жмурясь от удовольствия, Том сделал добрый глоток медовухи и заел орехом. — Ты недавно познакомился с хроном; его воздействие смягчает влияние RF. Тебе на самом деле чертовски повезло, — повторил Том, обводя ленивым взглядом расшумевшуюся компанию; парни спорили о достоинствах антигравитационной системы Льюиса, а девицы пытались вернуть разговор в более понятное им русло. — Короче говоря, друг мой Джим, в твоём кристалле записан

маршрут к планете, где водятся бесценные дикие Птицы. Сейчас, когда их чуть не объявили национальным достоянием, самое время привезти на Энглеланд полный трюм этих тварей. Большие деньги, между прочим...

— ...придется потратить, — докончил я фразу. — Корабли с RF-тягой почти не используются, RF-навигаторы, по словам того же Бонса, сумасшедшие, а правительство не заплатит за Птиц ни гроша. С радостью примет их в дар и сгубит в неохраемых заповедниках.

— Птиц можно продать на других планетах.

— Попробуй. На Энглеланде есть традиция. Свои поверья, мифы и предрассудки. А в иных мирах спрос надо создавать на пустом месте. И ты сможешь объяснить людям этот бред: убить Птицу, чтобы на башку насыпались перья? Такая чушь проходит только здесь. — Я сам удивился тому, с какой злостью это сказал.

Том осторожно коснулся лба с точками запекшейся крови, покривился:

— Саднит, зараза. Джим, друг, пойми: не в деньгах счастье. И даже не в Птицах. Подумай: ты остался не у дел. Чем теперь заниматься? Обслуживать постояльцев? Они тебе на фиг не нужны. Уедешь в город искать работу? И сбежишь оттуда через месяц. Улетишь с Энглеланда?

Именно это я и предлагаю. Причем не надо тратиться на билет: мистер Трелони берет расходы на себя. Он мечтает вырваться из-под супружеского каблука и пуститься в авантюру... в поход, который сулит честь и славу добытчикам настоящих диких Птиц.

— А ты?

— И я с ним, конечно. Я ее ненавижу. — Тома передернуло. — Мне жалко Лайну, жалко сквайра, жалко себя... а ее — ненавижу.

— Что тебя удерживает в поместье?

Том потряс головой:

— Не скажу. Джим, друг, соглашайся. Мы со сквайром все продумали. Без тебя никак нельзя — ты единственный, кто смыслит в Птицах.

— Нет, — сказал я.

Том растерянно заморгал. Собственные ресницы у него были длинные, как у Лайны, и светлые, в цвет волос. Удивительно, как сохранил их под биопластом...

— Почему «нет»?

— Я уже чуть не сдох от этого RF. И не хочу становиться risky fellow и погибать черт-те где вместе с тобой, сквайром... Кого еще он привлечет? С доктором Ливси, к примеру.

— Ты боишься?

— Не желаю хоронить людей. Эта авантюра

слишком дорого нам обойдется.

— Извини, — проникновенно сказал Том, — но ты и на Энглеланде не жилец.

— Зато ты целее будешь.

— Ты что — серьезно? Отказываешься?

— Наотрез.

— А если тебя попросит сквайр? И доктор Ливси, которого он сейчас уговорит?

— Скажу то же самое. Можешь поверить интуиции Трижды Осененного: эта затея — самоубийство.

Том поверил — не в самоубийство, разумеется, а в мой отказ. Он побледнел, руки задрожали. Но я же не виноват, что все во мне восстает против его великолепной придумки.

Том сжал в ладонях кружку с медовухой.

— Ну, что ж... — произнес он напряженным, готовым сломаться голосом. — Давай тогда выпьем за разбитые надежды, упущенные возможности, свою поломанную жизнь.

Я уже понял, что он — любитель себя жалеть, и не стал за это пить. Однако Том страдал по-настоящему, и мне было перед ним неловко. Из-за двери донеслось поскуливание Дракона, словно мой кургуар взялся плакать за вконец расстроенного человека.

Том поднялся и открыл дверь:

— Входи. Травишь душу — сил нет.

— Не впускай, — сказал я, а один из подвыпивших парней заорал:

— Уберите зверя! Он бешеный!

— Иди, не бойся, — подбодрил кургуара Том. — «Дураки, — скажи, — нас обижают, кричат...»

— Не впускай! — Я вскочил.

Подгулявшая компашка завопила хором, девицы завизжали.

— Дракон, нельзя! Пошел вон!

Кургуар будто не слышал. Подволакивая все еще слабые задние лапы, он вошел в бар. Пьяные крики его возмутили; Дракон издал громкое «Ххррррр» и предъявил нарушителям спокойствия свои бесподобные клыки.

— Вон отсюда, — схватив за шкурку, я думал выкинуть его за порог.

— Хрр! — Лязгнули зубы, и я чуть не взвыл: Дракон пребольно цапнул за колено. — Рррау! — Нагнув голову, кургуар двинулся между столиками к шумным гостям; спина со вздыбившейся шерстью проплывала выше столешниц.

— Стоять! — Том поймал гибкий черный хвост и потащил зверя назад.

Когти Дракона скребнули пол, он присел, обернулся — и Том отпрыгнул, затряс

прокушенной кистью.

Девушки с визгом ринулись в дальний угол, один из парней бросил в Дракона креслом, другой опрокинул перед ним стол. Кургуар и ухом не повел, неотвратимо приближаясь к единственному трезвому, который не кричал и не метался.

В колене у меня точно засел раскаленный прут. Припадая на больную ногу, стаскивая с себя куртку, я догнал Дракона и набросил куртку ему на морду. Еще замотать бы вокруг шеи рукава... Дракон вслепую прыгнул. Мощное тело вытянулось в полете, передние лапы метили жертве в грудь. Бросок — и я что было сил толкнул кургуара в бок, отклоняя удар.

Лапы тяжело ударили в столик, он подпрыгнул и опрокинулся; кургуар приземлился в проходе, когти вспороли покрытие пола, куртка свалилась с башки.

— Джим, берегись! — выкрикнул Том.

Всей кожей ощутив новую опасность, я рванулся в сторону, хлопнулся на пол, перекатился, проскользнул между ножками кресел. Увидел ботинки того, трезвого, который и не думал удирать от взбешенного зверя. Эти ботинки, смиренно стоявшие, точно вросшие в пол, вдруг приподнялись на носках. Коротко взревел Дракон, я метнулся прочь, словно уходя от бьющего в землю

испепеляющего луча — как в тот день, когда погиб отец. В одну сторону, в другую, круша столы, опрокидывая кресла, ускользя от смерти.

— Джим, стой, — расслышал я сквозь визг и вопли голос Тома.

Я вскинулся, бросив кругом быстрый взгляд. Мэй-дэй! Как пусто стало в зале — столы и кресла остались лишь у стен, к которым жмутся перепуганные, белые с лица клиенты. Я пересчитал: три девицы, четверо протрезвевших парней. Пятого нет. И где Дракон?

— Где Дракон?

Все разом смолкли; только начала всхлипывать одна из девиц. Я повернулся к Тому. Загорелая «кожа» его маски была серой, вырезанная полоса — синеватой. Однако Том заговорил на удивление внятно:

— У него был хрон. Импульс может действовать до четырех секунд. Парень убрал Дракона и попытался достать тебя. Не сумел. И сам исчез. Джим, сядь. — Том подвинул мне кресло. — Садись.

Я остался на ногах и сказал:

— Дракон вернется.

Том опустил голову, рассматривая прокушенную кургуаром окровавленную кисть.

— Чудеса дважды не случаются... к

сожалению. Кто-нибудь, вызовите полицию. Джим, будь другом, помоги. — Том вытащил из кармана завернутый в салфетку отрез маски, отдал мне и принялся руководить: — Разверни. Салфеткой вытри кровь с руки. Маску накладывай на покусы. Аккуратно, чтобы хватило длины с обеих сторон. Вот так; теперь прижми. Сильней, не бойся. Прижимай ладонями, чтобы согрелась. Спасибо.

Рука выглядела дико: на внутренней и на тыльной сторонах ладони — по густой брови и закрытому глазу с торчащей щеточкой ресниц. Искусственная «кожа» начинала краснеть, напитываясь кровью.

Я побрел в угол, к одному из уцелевших столиков. Повалился в кресло, отвернувшись от всех. Бедный Дракон. Верный мой кургуар. Ты узнал охотника-убийцу, рычал и рвался к нему. А тебя — на цепь. Если бы Том не впустил тебя в бар, ты остался бы жив. А я? Вряд ли. Защитник мой, где ты? Я представил себе, как Дракон барахтается в морских волнах, как оставляют его силы, как волны смыкаются над ним, как мокрая голова показывается над водой в последний раз... Лучше чистое холодное море, чем Смертная грязь. Перед глазами встала черная вязкая масса, в которой тонет даже солнечный свет. И мой кургуар, горестно воющий, безнадежно зовущий на помощь. И никто

не поможет, не вызволит, не спасет...

Прибыла полиция — Гарри Итон с молодым напарником — и принялась допрашивать свидетелей. Доктор Ливси запретил меня теребить, поэтому мне вопросов почти не задавали. Напуганные посетители мало что помнили и своими показаниями только раздражали полицейских. Том врал, будто от волнения он вообще все забыл, нарочно пугался в показаниях, жаловался на боль в руке, хотя ему вкололи обезболивающее, причитал и громко горевал о «бедном бесстрашном Драконе». Мне хотелось ему врезать. Гарри Итон, похоже, был со мной заодно. Он сжимал пальцы в кулак, разжимал их, потирал ладони и с терпением тупой машины снова и снова спрашивал, как же случилось, что злоумышленник с хронооружием вдруг взял да исчез. Испарился. Улетучился.

— Собственный хрон для этого использовать нельзя, — талдычил Гарри непонятливому Тому. — Его отправили к чертовой матери со стороны. Признавайся: где твой хрон?

— Нет у меня хрона, — отбрехивался Том. — Откуда?

— Значит, у преступника есть сообщник, — объявлял Гарри. — Вспомни: у кого ты видел нечто, похожее на маленький лучемет?

— Не помню. Не видел. Я на них не смотрел. Я за Джима боялся. О-о, у меня все болит! — Том хватался за лицо и прокушенную руку.

Гарри ему не верил. Не потому, что Гарри умный и проницательный, — просто такой уж он человек. Он лично обыскал всех подозреваемых — Тома и хмельных парней с девицами — а меня обыскать не додумался, потому что я был не подозреваемый, а чудом спасшаяся жертва и хроном обладать не мог. Однако похожая на маленький лучемет шгуковина как раз оттягивала карман моей куртки. Том подошел, когда я оплакивал Дракона, нагнулся, будто желая сказать слова утешения, и сунул игрушку мне в карман.

Наконец полиция убыла ни с чем, если не считать сомнительного описания внешности преступника. Он прибился к подвыпившей компании по пути к «Адмиралу Бенбоу», ничего вразумительного о нем сказать не могли, к тому же на лице наверняка был биопласт, как у Тома.

Затем доктора Ливси срочно вызвали в клинику, а Том засобирался домой.

Мы направились через пляж к его глайдеру. Я отыскал отпечатки лап Дракона; ветер понемногу засыпал их песком.

— Жаль, я в первый раз промазал, — сказал Том. — Попал со второго выстрела, а этот тип

достал твоего зверя.

Я извлек из кармана утаенную от Гарри увесистую игрушку. Никакой это оказался не хрон, а обычный станнер. Том забрал его:

— Спасибо, что сберег. Полиция отняла бы: у меня нет разрешения.

— Так у кого был второй хрон? — Я уставился на отпечатки уже никогда не побегущих за мной лап. Они расплывались перед глазами.

— Чепуха, — отмахнулся Том. — Я бы скорее подумал о настройке на самоликвидацию. Когда я попал и у парня разжались пальцы, хрон воспринял это как сигнал, что задание выполнено. И ликвидировался вместе с хозяином — улетел в будущее. Они уже на дне моря или в космосе. — Том сел на корточки и коснулся оплывающего следа когтистой лапы. — Хороший был зверь. — Он помолчал, прощаясь с Драконом, и поднялся. — Джим, друг, а ведь где-то остался заказчик, который прислал сегодняшнего гостя. Он скоро узнает, что тебе опять повезло. Хочешь, я попрошу сквайра, чтобы дал охранника?

— Не хочу.

— Сквайр к тебе относится гораздо лучше, чем она. — Том принципиально называл миссис Трелони злым «она». — Будь его воля, он отдал бы за тебя Лайну.

— Угм. Отдал бы он дочь за негодяя, который торгует жизнями других людей. И не летит добывать новых Птиц, на которых сквайр надеется обогатиться.

— Птицы — вопрос особый. А насчет торговли жизнями... Я поклянусь мистеру Трелони, что те две тысячи не имеют отношения к убитым егерям.

— Так он тебе и поверит.

— Мне — поверит, — со спокойной уверенностью заявил Том.

— Ты не можешь клясться в том, чего сам не зна...

— Я знаю, откуда взялись деньги, — перебил он. — Но не могу рассказать это обществу.

— Что?!

— Не могу, — повторил он. — Если правда выплывет, тот человек будет уничтожен.

— А я не уничтожен? Со славой продажного егеря?

— Джим, друг, тебе мои сведения не пригодятся. Ты тоже не побежишь кричать: «Вот откуда деньги, всем доложу!»

— Но мне-то надо знать, кто и зачем.

Том вдруг улыбнулся.

— Ну-ка, попробуй меня купить. Что предложишь?

Мэй-дэй! Да уж не он ли сам всему причиной? Хотя нет, вряд ли. Давно бы признался.

— Я тебе поймаю поюна, — сказал я, подумав.

Это щедрая оплата. Шерсть у поюнов дымчатая, с чернью и серебром, и они очень смышленные. Прирученный зверек охотно болтает с хозяином, в грустную минуту рассмешит его и утешит, и вообще друга лучше поюна не сыскать. Только никто не берется его ловить — слишком редкий это зверь и осторожный.

У Тома загорелись глаза; какое-то мгновение он готов был согласиться.

— Не пойдет, — все-таки отказался он с сожалением.

— Двух поюнов.

— Нет. Я хочу, чтоб ты отправился за Птицами. Полетишь?

— Дорого продаешь.

— Оно того стоит.

— Черт с тобой, — уступил я. — Если не сумею отговорить сквайра, полечу.

К удивлению, Том не обрадовался, а наоборот, погрузнел. И с неохотой произнес:

— Лайна.

— Что ты несешь? У нее нет таких денег.

— Она копила на вашу свадьбу. А когда вы

поссорились, швырнула назад то, что ты на нее потратил за эти годы. На подарки, развлечения...

— Но не две же тысячи.

— Лайна решила возместить расходы с лихвой. Отправила все, что у нее было.

Я потряс головой и убежденно сказал:

— Ты спятил либо нагло врешь, и я за Птицами не полечу. Родители не дают ей живых денег. А если она все-таки их раздобыла, то почему молчит? Меня обвиняют в сговоре с убийцами, а Лайна — ни гу-гу? Не верю.

Том открыл дверцу своего глайдера, собираясь лезть внутрь.

— Девочка не может признаться, что приворовывала у мамы с папой. Если мама узнает, сживет ее со свету. Так что не оправдаться тебе, друг мой Джим. Ты будешь молчать... и готовиться в поход за Птицами. Так я пришлю охранника?

— Пришлешь, — машинально ответил я, не успев прийти в себя от изумления. Лайна — приворовывала? Позорище... Если б я мог посчитать Тома вруном! Но я ему верил.

Глава 6

Разумеется, слушать меня никто не стал. Сквайр Трелони, захваченный своей затеей, лишь посмеялся; доктор Ливси напомнил, что не надо было смотреть RF-запись, которая меня чуть не угробила; мать с радостью ухватилась за возможность отправить меня подальше от киллера:

— Я боюсь за тебя здесь.

Том Редрут торжествовал. Он что ни день прилетал на своем глайдере и докладывал, как идет подготовка к путешествию. Каждый раз он являлся в новых масках, одна другой краше, — его мастер обогатился на заказах! — и, как заметила мать, наша Шейла положила на Тома глаз. Сам он, похоже, остался в неведении, слишком занятый собственными хлопотами. Записок от Лайны Том больше не привозил, но на словах передавал, что она сильно скучает. Я заикнулся о том, чтобы через него вернуть Лайне деньги; он скрипнул золотистой чешуей, которая в тот день была на лице, с явным усилием скривил губы в улыбку и отказался:

— Тут я тебе не помощник. Лайна ведь не знает, что я в курсе ее дел.

Присланный из поместья охранник бил баклуши и успешно охмурял двух наших горничных. Поскольку ничего не происходило и

никакой опасности не наблюдалось, через несколько дней его отозвали обратно. Я не пожалел, считая, что гораздо успешнее уберегу себя сам.

Мне было тошно. Не зная, к чему себя приложить, я бродил по берегу моря, уходил в лес, возвращался подавленный. Безделье выматывало душу. Хоть бы новый киллер пожаловал, что ли...

Неделю спустя нанятый сквайром корабль на RF-тяге приземлился на Энглеланде. Это я узнал опять же от Тома. Он вызвал меня по ближней связи и радостно сообщил:

— Капитан корабля с экипажем у нас. Приезжай.

— И не подумаю, — охладил я его радость.

Рыжая, с черными подпалинами морда лисовина на моем экране придвинулась; отчетливо стала видна каждая шерстинка, белые усы и брови. Зеленоватые человеческие глаза долго меня изучали.

— Не дури, — наконец произнес человек-лисовин. — Капитан сказал, что RF-полет — не шутка и он должен лично познакомиться со всеми пассажирами.

— Добро пожаловать в «Адмирал Бенбоу».

— Джим, друг, с этим капитаном так нельзя. Если он говорит, надо делать. — В голосе Тома слышались нотки благоговения.

— Ты отлично знаешь: я не могу у вас появиться.

— Тебя хочет видеть Лайна, — промолвил он. И я поехал.

Что-то разладилось в поместье Трелони: раньше их диковинному парку холода были нипочем, там круглый год стояло лето — а нынче осенние заморозки пришибли, погрызли и покорежили инопланетные редкости, и парк выглядел жалко. Белое пушистое облако у ворот лежало на земле, точно плесень, роща огненных деревьев облетела, и стояли одни крученые головешки, клумба зеркальных цветов побурела и стала похожа на заросли прошлогодних сорняков. Однако парадная лестница под моими шагами запела, а кутающиеся в пену няяды приветливо кланялись.

В поместье оказалось полно народу. В зале, куда привел меня Том, было шумно и весело, кто-то сидел у музыкального синтезатора и развлекался, порождая брачные песни пещерных левцев: мощный рык самцов перебивали подвывания и взвизги самок, и было это сильно похоже на человеческий праздник, где галдят, хохочут и визжат захмелевшие гости.

Среди разряженных дам я не сразу обнаружил экипаж «Испаньолы»: космолетчики были не в

форме, а в обычной одежде. Только стрижены коротко, не так, как принято у нас.

Сквайр был здесь же, и миссис Трелони с ним. При виде меня она окаменела, затем набрала в грудь воздуха — и молча выдохнула, когда Том замахал рукой, указывая в дальний угол зала.

В тот самый угол он меня и потащил, лавируя среди гостей.

— Ах, Том, вот ты где! — подлетела к нам Тереза, подружка Лайны.

У нее потрясающие пепельные кудри, всем девчонкам на зависть; на макушке торчал султан из желто-зеленых перьев.

— Какая шерстка! — вскричала она. — Можно потрогать?

Не дожидаясь разрешения, Тереза провела ладонями по черно-рыжим щекам Тома.

— Ты мой шелковый, — заворковала она. — Может, стоит целиком шерстью обклеиться? Тебя будет так приятно гладить. Да не вырывайся же! — Ухватив Тома за волосы, она заставила его нагнуть голову и звонко чмокнула во влажный лисовиний нос. — Ффу, гадость! — Тереза оттолкнула его и вытерла губы. — Хоть бы предупредил, что ты склизкий.

Том молча стерпел и повлек меня дальше, к высоченному окну с золотисто-алым витражом; там

беседовали доктор Ливси и молодой худощавый человек с загорелым лицом и белыми волосами.

— Где Лайна? — оглянувшись, успел я спросить у Терезы.

— Придет, — загадочно улыбнулась она, выставляя из пепельных кудряшек соблазнительное округлое плечико.

У худенькой Лайны плечи не такие красивые, зато я ее люблю.

В нескольких шагах от доктора Ливси и его собеседника Том притормозил, не желая вклиниваться в разговор.

— Это капитан Смоллет, — сообщил он; черный влажный нос подергивался от волнения, усы трепетали. — Он из меня уже душу вынул, из тебя тоже вынет.

Вот еще новости. Зачем из нас душу вынимать?

Для капитана космического корабля мистер Смоллет казался слишком молодым. В нем не было командирской властности, и беседуя с доктором Ливси, он улыбался доброжелательной, подкупающей улыбкой. Я внимательно рассмотрел тонкое благородное лицо. Очень приятный капитан; но почему же такой молодой?

— Сколько ему лет? — спросил я.

— Тридцать семь.

— Я бы дал на десять меньше.

— Приглядишься. Он не альбинос; он седой.

Свет витража окрашивал волосы капитана золотисто-алым; где же мне разобраться, что это седина?

Доктор Ливси засмеялся каким-то словам мистера Смоллета и обернулся к нам.

— Ну, что мнетесь? Подходите. Александр, познакомьтесь: это Джим Хокинс.

Капитан протянул мне узкую, оказавшуюся неожиданно жесткой и сильной ладонь:

— Рад тебя видеть, Трижды Осененный.

— Здравствуйте, мистер Смоллет.

Я в жизни таких глаз, как у него, не видел. Пронзительно синие и как будто светящиеся; на темных ресницах и загорелых щеках капитана мне почудились синеватые отблески.

— Джим мой друг, — тревожно сказал Том, словно пытаясь таким образом упрочить мое положение — или же свое собственное.

— Пойдем, друг лисовин, — доктор Ливси увел его, и мы с капитаном Смоллетом остались одни у окна.

— Странно, — задумчиво проговорил капитан, провожая их взглядом, — обычно мне говорят правду... а ваш лисовин солгал, когда я спросил, кто он такой.

Его светящиеся глаза уставились мне в лицо. Требовательный взгляд, казалось, пробуравил мозги насквозь; у меня мурашки поползли по затылку. Под этим взглядом невозможно было лгать. По крайней мере, я бы не смог.

— Расскажи о нем, — попросил капитан.

Я не знал, кто такой наш лисовин, поэтому расписал, как Том спас мне жизнь, но умолчал, что он украл кристалл с RF-записью. Мистер Смоллет об этом уже знал и явно желал услышать нечто иное. Тогда я рассказал, как Том подарил мне новые антигравы для скутера; опять не то. Еще Том пытался оградить меня от ссоры с миссис Трелони и советовал выбросить букет, который прислала моя мать. Я поведал и об этом. Ну, что тут особенного? Однако мистер Смоллет нахмурился; чем-то ему мои слова не понравились.

— А теперь объясни, Трижды Осененный, что ты имеешь против задуманной экспедиции.

— Ничего... кроме ощущения, что она закончится бедой.

Сказав это, я почувствовал себя глупо. Но капитан серьезно ответил:

— Предчувствиям Трижды Осененного следует доверять... и постараться сделать так, чтобы они не оправдались. — Мистер Смоллет помолчал, размышляя. — Расскажи мне о работе в

заповеднике. И об отце.

Я рассказал. И сильно удивился, когда капитан поблагодарил меня и отпустил, не расспросив о встрече с убийцами егерей.

Увидев, что я освободился и готов искать Лайну, миссис Трелони пустилась мне наперехват. На ней было платье из длинных лоскутьев, а волосы хитроумно склоты на груди, которая иначе была бы совсем открытой. Скоро наши дамы наловчатся обходиться без платьев, одной только шевелюрой и драгоценностями.

— Джим, мой дорогой, — начала хозяйка поместья с улыбкой, — Лайна приболела, она не выйдет...

— Позвольте, прекрасная леди, — капитан Смоллет подхватил ее под локоток и повлек сквозь круговерть гостей к столикам с вином и закусками.

Он что-то ей говорил, и миссис Трелони обмякала, все крепче опираясь на его руку и приваливаясь к капитанскому бедру; до плеча ей было не достать.

Я огляделся. Где же Лайна?

— Не узнаешь? — раздался ее голос совсем рядом.

Я обернулся. Узнать ее было невозможно. Длинное белое платье скрывало высоченные каблуки; Лайна стала на полголовы выше, чем

была, а лицо укрывали густые пряди волос, скрепленные под подбородком сверкающим ошейником. Непонятно, как она видела сквозь эту завесу; вздумай я ее поцеловать, не сумел бы. Одни лишь смуглые тонкие руки были родные, Лайнины. Она отдернула их, когда я хотел коснуться.

— Не здесь. Пойдем. — Лайна устремилась к боковой двери.

Мы выбрались из зала и оказались на пустынной гулкой лестнице. Каждая ее ступенька была аквариумом: под прозрачным пластиком зеленели водоросли, сновали мелкие рыбки и какие-то водяные уродцы с клешнями, поднимались столбики воздушных пузырьков.

Лайна заперла дверь, из которой мы вышли.

— Идем.

Она заторопилась вверх, но запуталась в подоле, оступилась и упала бы, если б я ее не поймал. Подхватил на руки и понес — худенькую, легкую; незнакомую, почти чужую. Лайна обняла меня за шею и зашептала в ухо, согревая кожу теплым дыханием:

— Только не урони. И не упади. Осторожней; смотри под ноги. Я ужасно соскучилась. Джим, не обижайся на маму, ладно? У нее бывает дурное настроение, она тогда накричит, а потом пожалеет.

Насчет мамы я не стал высказываться, чтобы

не испортить дело. Лайна указывала, куда идти. Всюду была роскошь — откровенная, выставленная напоказ; роскошь не ради красоты или удобства, а ради себя самой.

Затем мы оказались в неожиданно скромном коридоре, где стены были инкрустированы сиреневым перламутром. Здесь было одно-единственное окно, в котором виднелось небо с облаками. Возле него моя любимая велела:

— Опускай. Не бойся, не выпадем, — засмеялась она, хотя к окну не стоило и приближаться: оно начиналось у самого пола и не было ничем ограждено.

Лайна коснулась ладошкой стены, и окно уехало вбок, открыв вход в спальню.

— Заходи, — пригласила моя любимая. — Нас еще долго не хватятся.

С заколотившимся сердцем, я вошел. Комната была сине-зеленой и солнечной, как летнее теплое море. Как глаза Лайны, которые наконец-то глянули на меня из-за темных волос — Лайна развела пряди в стороны.

— Джим, я очень перед тобой виновата.

Я собрался ответить, что знаю про те злосчастные деньги и не жду извинений, но она, торопясь, продолжала:

— Наговорила гадостей, ни за что тебя

обидела... и так скверно сказала о твоём отце. Джим, прости, пожалуйста. Я сгоряча...

Я привлек Лайну к себе. Она покачнулась на каблуках и ухватилась за рукава моей куртки. Волосы тут же снова закрыли ей лицо.

— Ах, боже мой... — она переминалась, пытаясь скинуть туфли. — Джим, помоги.

Усадив ее на постель под балдахином, я опустил на колени. Лайна приподняла подол, и я принялся распускать тугую шнуровку ее туфель. Каторга, а не обувь.

Лайна подалась ко мне и зашептала, касаясь губами моего лба; восхитительное ощущение:

— Ты слышал, что сказал капитан? RF-перелет — довольно опасная штука. Тот, кто чувствует за собой какую-нибудь вину, лететь не может. За ним явятся какие-то Чистильщики... это я не поняла, он не объяснил... По-моему, капитан их очень боится.

Я управился с одной туфлей и освободил маленькую ножку Лайны; ее ступня целиком умещалась у меня на ладони.

— За мной нет никакой вины. — Я принялся за вторую туфлю.

— А за мной есть. Джим, я не хочу чувствовать себя виноватой.

— Я простил тебя. Не мучайся.

Отставив в сторону туфли, я поцеловал обтянутые тонкими чулками колени. Лучше бы чулок не было — у Лайны такая нежная, бархатистая кожа.

— Ты не понимаешь. — Ласковые пальцы погладили меня по шее и забрались под воротник. — Чистильщики являются, если человек сам себя не простил... Ты мой хороший... Я гадкая дрянь и знаю об этом. И Чистильщики тоже узнают и придут. А я хочу лететь с вами — с тобой, с папой. — Лайна потихоньку расстегивала мою куртку.

Я заставил себя оторваться от любимых коленок и поднял голову. Скрытое волосами, как будто слепое, лицо Лайны показалось чужим и даже опасным. Кто знает, что там, за этой темной завесой?

— Тебе родители не позволят. — Я отвел пряди от ее лица, но их пришлось удерживать обеими руками.

— Папа согласится, — убежденно заявила моя любимая. — А маме я так скажу: или я завтра выхожу замуж, или отправляюсь в путешествие. Пусть выбирает.

— За кого ты завтра выходишь? — встревожился я.

— Да за тебя же, — Лайна поцеловала меня в

переносицу.

— То есть ты за меня не выходишь, если отправляешься в экспедицию. Я попрошу капитана, чтоб он тебя не брал.

— Вот глупый, — с легкой досадой ответила она. — Вернемся — тогда и о свадьбе подумаем.

— Я люблю тебя, — сказал я, вглядываясь в яркую глубину ее глаз. — Сегодня и завтра, и всегда.

— Я тебя тоже, — шепнула моя любимая, наклоняясь ниже.

Ее волосы лезли в рот и мешали целоваться. Потеряв терпение, я отыскал застежку на дурацком ошейнике, который скреплял их под подбородком. Лайна испуганно пискнула: кудри-то я освободил, но и платье поползло с плеч.

— Ой! Держи его!

— Ну уж нет, — я поймал ее руки и не позволил удержатъ беглое платье.

Лайна вырывалась, пища и смеясь; ткань ползла все ниже, а я дул изо всех сил, сдувая Лайнины волосы с груди.

— Джим, перестань! Как не стыдно? — восклицала она, и это была замечательная игра, от которой я начинал терять голову.

Мы с Лайной еще ни разу не были близки, и я никак не ожидал, что это случится сегодня.

Кэролайн Трелони — не распущенная городская девчонка. Как можно — вот так, вдруг? Оказалось — можно.

Платье свалилось и легло складками вокруг тоненькой талии, а Лайна прижала мою голову к своей горячей, прыгающей от волнения груди. Я целовал ее как сумасшедший, едва удерживая на краешке сознания мысль, что не влипнуть бы ей в неприятности, что я должен ее побереечь, что...

— Ну-ка, дети! Быстро одеваться, мыть руки — и за стол, — раздался вдруг знакомый голос.

Лайна взвизгнула, я оглянулся, не отпуская ее, прикрывая ее обнаженную грудь.

— Том! — закричала моя любимая, хватаясь за платье. — Как ты смеешь?

Наш лисовин закрыл за собой потайную дверь в дальнем углу спальни; она тут же слилась с вьющимися по стене коло-коло. Синие цветы отозвались легким звоном, когда Том стремительно прошел мимо них и открыл в стене приборную панель.

— Одевайтесь, — повторил он, повернувшись к нам с Лайной спиной. — Сюда бегут встревоженные мама с папой.

Лайна охнула. Я кинулся надевать на нее туфли. Ненавижу дамские шнурки. Моя любимая боролась с платьем, волосами и ошейником. Не

понимая, как все это организовано, я был не в силах ей помочь.

Тем временем Том отодвинул от стены маленький столик, подкатил к нему два кресла и низкое сиденье на кривых ножках, а на столик выставил только что сделанный и моментально прибывший заказ: красное вино, три бокала, печенюхи и вазу с фруктами.

— К столу, — велел он шепотом, к чему-то прислушиваясь.

— Помогите, — жалобно попросила Лайна — ей никак не удавалось закрепить на плечах свое платье: оно упрямо ползло вниз, будто заколдованное.

— Ч-черт! — прошипел Том, озираясь и шаря у себя в карманах. — Джим, веревка есть? Нет? Помоги ей сесть к столу, поддержи эту тряпку.

Я отвел Лайну к креслу у столика, обеими руками прихватив норовистое платье. Тяжелая скользкая ткань готова была утечь сквозь пальцы.

— Мне Тереза помогала, — беспомощно сказала моя любимая. — У нее так ловко получилось...

Не найдя в карманах веревки, Том метнулся к коло-коло на стене, подергал их жесткие стебли. Цветки зазвенели.

— Не пойдет... Джим, наливай вино.

Разлив вино по бокалам, я вынул из вазы самый румяный перс, положил его перед Лайной и рассыпал по столу несколько печенюх: якобы мы давно уже угощаемся.

Том покрутил головой, что-то выискивая.

— Где зеркало?

— Вон там, — всхлипнула не на шутку испуганная Лайна, — в простенке.

Лично я в простенке видел только морской пейзаж, но Том понимал в деле лучше моего. Он куда-то ткнул пальцем, и пейзаж превратился в обычное зеркало. Наш лисовин вынул знакомый мне кинжал, откинул назад свои светлые волосы, примерился и аккуратно провел лезвием вдоль края черно-рыжей маски — от нижней челюсти к виску, по верху лба и снова вниз. Подцепил надрезанный кусок и оторвал от лица длинную полоску меха. Вернулся с ней к оторопевшей Лайне, стянул верхний край проклятого платья вокруг ее шеи и прочно завязал отрезом маски. Затем плюхнулся на сиденьице с кривыми ножками, схватил бокал и глотнул дорогущее красное вино с планеты Джорджия Третья, точно воду.

— Ну так вот, — заговорил Том, подливая себе из бутылки, — RF-звездолет перемещается в пространстве способом, который подарили человечеству Чистильщики. Это был, так сказать,

сепаратный договор между представителями их расы и рабочей группой Рональда Фроста. В сущности, это их подарок самому Фросту. RF-корабль способен летать обычным порядком только на небольшие расстояния. Скажем, с той же Франсуазы сюда или с Энглеланда к специальной RF-станции. А от станции он уже на RF-тяге несется в чертову даль и за несколько стандартных дней забирается на край света, в тридесатую галактику...

Он еще рассказывал, а дверь спальни открылась, и в комнату ворвалась миссис Трелони в своем платье из лоскутьев, с покосившейся заколкой на груди. Выбившиеся волосы уже не прикрывали грудь, как нужно.

Хозяйка поместья застыла у порога, будто наткнулась на стену, а следом за ней в комнату шагнул сквайр Трелони. Вид у него был растерянный.

— Что случилось? — хором спросили Том и Лайна.

Я поставил на столик недопитый бокал, старательно изображая удивление.

— Вы... — взгляд миссис Трелони обежал комнату, неразобранную и даже не смятую постель, зацепился за сверкающий ошейник, который Лайна непринужденно водрузила на горку фруктов в

вазе. — Вы чем занимаетесь?

— Пьем за успех экспедиции, — ответил Том.

— В... в... в девичьей спальне? Это верх неприличия!

— Верх неприличия — врываться без стука, — холодно отозвалась Лайна. — А если б мы занимались чем-нибудь другим — без Тома, вдвоем с Джимом?

«Я бы тебя задушила», — сказал ответный взгляд ее матери.

— Эмилия, оставь их в покое, — вмешался сквайр Трелони. — Я говорил тебе, что Лайна — разумная девушка, а Джим — порядочный молодой человек.

— А Том? — спросил наш лисовин.

— Том выше всяких похвал, — улыбнулся сквайр. Вообще-то он нечасто улыбался.

Миссис Трелони соорудила презрительную гримасу.

— Шелопут и проныра — вот кто этот самый Том. Молодые люди! Вы еще долго намерены тут рассиживаться?

— Эмилия, пойдем, — проявив характер, сквайр увел супругу из комнаты.

Мы с Лайной переглянулись. Пронесло.

Наш лисовин подлил в бокалы вина и продолжил лекцию, словно за дверью

подслушивали:

— Чистильщики подарили Фросту технологию — хотя все заслуги в разработке RF он приписал себе — и разрешили нашим кораблям передвигаться по их, Чистильщиковым, коммуникациям. — Том примолк на несколько секунд, послушал что-то, недоступное нам с Лайной. — Неизвестно, чем Фрост их одарил в ответ, но у Чистильщиков есть неперемное условие: их жизненное пространство нельзя загрязнять. — Он повысил голос, чтобы за дверью его лучше слышали: — Чистильщики убеждены, что всякий человек отдает себе отчет, хорошо он поступает или дурно, сделал гадость или нет. Хотя Тереза сдала тебя мамочке, — пробормотал Том, обращаясь к Лайне, — и воображает, будто это не подлость, а благой поступок... Таких виноватых в чем-то людей они забирают с борта RF-корабля и увозят неведомо куда.

— Но подожди, — я заинтересовался, — тут же ошибка. Негодяй убьет жену и будет счастлив, заявляя, что избавил мир от злобной стервы. Никакого чувства вины — и никаких Чистильщиков?

— Верно, — кивнул Том, собирая со стола рассыпанные мною печенюхи и отправляя их в рот.

— А нервная дамочка на скутере задавит

неосторожного котуна и будет угрызаться. Тут-то ее Чистильщики цап-царап — и уволокнут?

— Вот именно. — Том заговорил тише — очевидно, нескромные уши удалились. — Поэтому наш капитан столь трепетно относится к своим пассажирам и каждого проверяет на предмет виноватости.

— Кстати, он понял, что ты ему что-то наврал. На морде лисовина промелькнуло беспокойство. Я тоже обеспокоился. Ерунда получается с этими Чистильщиками и чувством вины.

— Лайна, моя радость, не хочешь ли переодеться? — спросил Том. — Я бы приложил на место свою шкурку, пока не испортилась.

— Тогда отвернись, — ответила моя любимая.

Том сделал последний глоток вина и поднялся.

— Подожду снаружи. И надо побыстрее спускаться — мамочка минуты считает. Не учудите ничего; второй раз не отбрехаетесь.

Он вышел. Лайна стиснула руки и жалобно проговорила:

— Не получилось. Джим, я вправду так хотела...

— Не последний день живем, — попытался я ее утешить. Затем достал кредитку с неполными

двумя тысячами стелларов: — Возьми свои деньги.

У Лайны округлились глаза:

— Какие деньги?

— Скопленные на свадьбу.

— Что? Кем скопленные?

Она изумилась так естественно, что я готов был ей поверить. И поверил бы, не будь обязан Тому жизнью и нашей с Лайной спасенной репутацией. Я положил кредитку на стол и посмотрел Лайне в глаза. Не выдержав, она опустила ресницы.

— Это он, да? Он разболтал? Проныра. Всюду шастает, везде суется. Где только папа его подобрал? Пригрел на свою голову.

Мне стало обидно за Тома и стыдно за Лайну.

— Отдай шкурку и быстро одевайся.

Она подергала узелок на шее.

— Сам развязывай.

Я развязал полоску меха и понес ее Тому. Наш лисовин ждал за дверью, притулившись к инкрустированной сиреневым перламутром стене. Вид у него был удрученный.

— Повернись ко мне, прилажу шкурку, — сказал я.

Он убрал от лица волосы. Бледная полоска собственной кожи была в капельках крови.

— Вот благодарность, — горько произнес

Том, когда я управился. — Стараешься сделать как лучше, а оказываешься болтуном и пронырой.

— Не подслушивай под дверью — и не узнаешь людской благодарности, — отозвался я, скрывая неловкость. Уж Лайна-то могла быть посдержанней на язык. Что ж она — совсем как миссис Трелони?

— Я прослушиваю всех, кого считаю нужным, — огорошил меня лисовин. — Как бы я иначе узнал, что кого-то нужно спасти от скандала?

— Какого черта? — только и смог вымолвить я.

Он подслушивал, как мы с Лайной целовались! Я чуть не съездил по его лисовиньей морде, но вспомнил, чем ему обязан, и сдержался.

— Больше не буду, — сказал Том. — Дай руки.

Я подчинился. Он крепко сжал мои ладони в своих, отпустил их и пояснил:

— «Прослушка» отключена.

Ничегошеньки я на руках не видел и не чувствовал. Невольно потер их. Гадость какая.

— Не злись, — попросил Том.

Я промолчал.

— Джим, извини.

— Отстань.

Он отодвинулся, прижался спиной к стене. Человеческие глаза на черно-рыжей морде смотрели виновато и просили прощения. Ох, не люблю я, когда так смотрят.

— Ты не спрашивал, отчего я решил с тобой дружить, — тихо сказал Том. — Ты здесь чужой, как и я. Мне сто лет не нужен ихний дворец, винище и жратва... и тебе тоже. И я подумал: двум чужакам лучше держаться вместе. Я не прав? Ты не согласен... друг мой Джим? — Белые усы затрепетали.

— Согласен, — буркнул я, пожалев его. — Отпускаю тебе твои грехи, друг лисовин.

Появилась Лайна — в симпатичной маечке, брючках до колен и спортивных тапках, точно собралась на прогулку по берегу моря. Дурацкий ошейник сверкал на голове и служил короной.

— Пошли, — фыркнула она недовольно, — рыцари.

Когда мы спустились в зал, веселье было в разгаре; гости пили вино и танцевали. Лайна решительно протолкалась к капитану Смоллету, который не пил и не танцевал, а о чем-то беседовал со странным, как будто не от мира сего, человеком. Мне вспомнились слова Билли Бонса о том, что все RF-навигаторы — сумасшедшие.

— Два вопроса, — сказал капитан, увидев

рядом с собой нашу троицу.

— Что? — переспросила моя любимая.

— Разрешаю задать два вопроса, а затем все свободны.

Лайне это не понравилось: с ней никогда так не обращались. Она выпрямилась во весь свой скромный рост и даже привстала на цыпочки. Тем не менее, заговорила очень учтиво:

— Господин капитан, вы не возражаете, если я тоже отправлюсь в экспедицию?

— Возражаю.

— Почему? — спросила она, от неожиданности не успев ни обидеться, ни рассердиться.

— Женщина на борту RF-корабля приносит несчастье, — спокойно объяснил капитан.

— Вы в это верите? — Лайна опомнилась; вопрос прозвучал с холодной надменностью.

Он был третий по счету, и мистер Смоллет сделал вид, будто не слышал. Ответил его странноватый собеседник:

— Юная леди, вам сказали правду.

Синие, будто светящиеся глаза капитана скользнули по нам с Лайной, отметая как нечто несущественное, и остановились на Томе.

— Задержись-ка, Том-лисовин.

Я потянул возмущенную Лайну прочь:

— Идем. Поговоришь с мистером Трелони. Ведь это он нанял корабль и капитана.

Положа руку на сердце, я подозревал, что сквайр уже ничего не решает, а распоряжается экспедицией этот не похожий на обычных людей капитан.

Через несколько шагов я оглянулся. Том стоял перед мистером Смоллетом, напряженно выпрямившись. Мистер Смоллет что-то говорил; судя по лицу и движениям руки, говорил доброжелательно. Однако Том вдруг отшатнулся, словно огреб пощечину, затем дернулся к капитану, но замер, остановленный повелительным жестом.

— Свободен, — различил я сквозь шум и музыку непреклонный голос.

Наш лисовин повернулся и побрел через зал, как слепой, натываясь на танцующих. Потом зашагал быстрее — и внезапно кинулся бежать к выходу.

— Что-то случилось. Извини, — бросил я Лайне и помчался следом. — Том, стой!

Когда я одолел тридцать метров до двери, Том мелькнул уже далеко, в конце анфилады комнат. Припустив со всех ног, я снова увидел его на парадной лестнице с кланявшимися няядами; он сбежал по певучим ступеням и стремительно зашагал по аллее к воротам парка.

— Эй! Что стряслось?

Он не оглянулся, не сбавил шаг. Ссыпавшись с лестницы, я нагнал его и придержал, поймав за локоть.

— Том! Что такое?

По рыжей, с черными подпалинами, морде катились слезы; шерсть на щеках намокла и слиплась сосульками. Я растерялся.

— Перестань. Ну что ты, как маленький?

— Маленький, — прошептал он, опуская голову. — Двадцать один год. Капитан запретил мне лететь...

— Но мне девятнадцать. Отчего тебе-то не позволил?

Он не отвечал и плакал, а я стоял рядом, ничего не понимая и не зная, чем помочь.

— Том, ну, будет тебе. Объясни толком.

— Капитан помешался на чувстве вины, — справившись с собой, начал он. — А ему наболтали, будто бы я — ее любовник. — Тома передернуло. — Ношу разные маски, потому что она — извращенка и ей так нравится. Капитан спросил у сквайра, кто я такой и чем занимаюсь. А сквайр испугался. Забормотал какую-то чушь. Капитан и решил, что да, правду про меня слышал. И мне: ты, мол, хороший парень, и я тебя не возьму, потому что будешь чувствовать себя виноватым и

привлечешь Чистильщиков.

— А возраст при чем?

— При том. Все прочие сами за себя отвечают, а за нас с тобой — капитан корабля. Я только рот открыл сказать, что вранье... А он и слушать не стал. Решение капитана — и точка. Надо же выдумать: «ее любовник»! И из-за этого мне оставаться... — Клацнули небольшие, но острые клыки, задрожали усы, и по мокрой шерсти снова потекли слезы.

— Перестань себя жалеть, — велел я. — Надо мозгами шевелить.

Том несколько раз глубоко вздохнул.

— Извини, я расклеился. — Он провел ладонями по щекам и печально добавил: — Ты не думай, что я уж совсем размазня.

— Что будем делать? Сквайр правду не скажет?

— Побоится.

Он снова двинулся по аллее прочь от дворца. Я пошел рядом.

— Будь оно проклято! Все равно тут не останусь, — проговорил Том через несколько шагов. — Лучше сдохнуть, чем здесь... из милости...

Остановившись, он вынул свой кинжал и принялся полосовать маску. Быстро сделал

несколько разрезов и стал отдирать мех.

— Не надо, — сказал я. Внутри что-то болезненно рвалось, как будто это с моего лица сдирали кожу. — Том, перестань.

Он не слушал. Полоски меха падали на аллею и казались обрезками шкуры настоящего лисовина. Наливались красным точки на собственной коже Тома, и кровоточили порезы, сделанные решительной, слишком поспешной рукой.

— Ну? Теперь видишь? — Наземь упала самая длинная полоска — та, которой Том закреплял платье Лайны.

Ничего особенного я не видел — кроме бледного, окровавленного лица совершенно несчастного человека.

— Видишь? — настойчиво повторил он.

Я присмотрелся. Тонкие аристократические черты отдаленно напомнили мне капитана Смоллета. С какой стати Том прячется под маской? Станный парень. Уйдет ведь навсегда. И что дальше?

— Ты считаешь сквайра бездушным бревном? — спросил я. — По-твоему, если ты сейчас сбежишь, за ним не явятся Чистильщики?

— Ох... — Том уставился на меня в полном отчаянии.

Ну, хотя бы я его остановил.

Выудив из кармана фонарик, я трижды отсигналил SOS в окно зала, где веселились гости. RF там или не RF, а простые вещи капитан Смоллет понимать должен.

Через пару минут по лестнице спустился один из космолетчиков — я узнал по короткой стрижке — и подошел к нам. Ему было лет сорок; в темных волосах — отдельные пряди цвета остывшего пепла. Брови тоже неровно поседели и казались покрытыми изморозью. Карие, с каким-то особенным солнечным отсветом, глаза были внимательные и добрые. Он глянул на сплошную рану, в которую превратилось лицо Тома, и ткнул белую кнопку у себя на воротнике:

— Алекс, ответь мне. Нужен пакет первой помощи. Ты лисовин? — спросил он Тома.

— Да, сэр.

— Что ж ты, дурак, с собой делаешь? — Космолетчик снова нажал кнопку связи: — Алекс, будь добр, выйди сюда.

Вскоре по ступеням сбежал доктор Ливси. Он без лишних слов промокнул салфеткой Тома лицо, прошелся аэрозолем из баллончика. Прозрачный гель застыл через несколько секунд. Лицо у нашего лисовина стало блестящее, в порезах и темных точках. Доктор Ливси присмотрелся.

— Я тебя помню. Его мать умерла в нашей

клинике четыре года назад, — сообщил он подошедшему капитану. — Том приходил к ней, тогда еще без маски. Значит, сквайр тебя принял?

— Да, сэр, — прошептал Том.

— Ты его сын, — проговорил мистер Смоллет. Он не спрашивал — утверждал.

— Да, сэр, — подтвердил Том, вытягиваясь в струнку под его пронизывающим взглядом.

Капитан холодно усмехнулся.

— Внебрачный сын. Позор семьи. Супруга позволила мистеру Трелони приютить тебя при условии, что никто не увидит твоего лица. Так?

— Да, сэр, — произнес Том в четвертый раз.

Вот оно что. Теперь и я увидел сходство между ним и сквайром: такой же прямой нос, крепкий подбородок, похожий рисунок губ. Я от души пожалел лисовина, которого держат в доме из милости, без конца шпыняют да еще заставляют прятать лицо.

Том несмело улыбнулся.

— Мистер Смоллет, вы позволите мне лететь?

— Никто никуда не полетит, — отрезал капитан.

Такого поворота не ожидал даже космолетчик, хорошо его знавший.

— Алекс, господь с тобой! Почему?

— Потому что я сейчас выскажу почтенному

сквайру свое мнение о нем и его супруге. И об этом издевательстве, — мистер Смоллет указал на онемевшего Тома. — Так выскажу, что он поймет. И в рейсе его вниманием не обойдут. Поэтому на RF-корабле ему не летать, и экспедиция отменяется.

Карие, с золотистым солнечным отсветом, глаза его подчиненного похолодели; сидящие, словно покрытые изморозью брови сдвинулись.

— Ты не сделаешь ничего подобного. Мы потеряем контракт — и останемся сосать лапу? Ты о ребятах подумал? Мы что — мало грузов в порту перетаскали? Мало трюмов мыли, в заразе ковыряясь? Пришли на таможне сидит — и то считает за счастье. Вспомни, сколько времени мы ждали своей удачи. Сам знаешь: RF сейчас никому не нужен...

— Все так, — остановил его мистер Смоллет. — Нам нужна работа, сквайру — сокровища, лисовину — приключения... Дэвид, а вам что нужно? — повернулся он к доктору Ливси.

— А я хочу жениться на миссис Хокинс, — хладнокровно отозвался доктор. — Джим мне как родной, и я не могу отпустить его одного.

— Видишь, — горячо подхватил космолетчик, — как много планов ты разрушишь. А вот и сквайр, — добавил он, разом утратив пыл.

Мистер Трелони торопливо спускался по певучей лестнице. Няяды не успевали вовремя кланяться и без толку склонялись у него за спиной.

— Господа, — взволнованно заговорил сквайр, приближаясь к нам по аллее, — только что сообщили в новостях: в эту ночь разграблены два Птичьих питомника в Бристле. Птиц вывезли всех подчистую, власти хватаются за голову. При всем при прочем, нам это на руку... — Тут он заметил Тома. Разглядывал его несколько секунд, не узнавая. Потом, запинаясь, вымолвил: — Т-ты... ты что сделал?

Еще слово — и капитан его ударит, мелькнуло у меня в мозгу. Глаза у мистера Смоллета так и вспыхнули. Они явно светятся. Надо будет посмотреть на капитана в темноте...

— Том! Что ты с собой сотворил? — Мистер Трелони хотел было коснуться его ободранного, изрезанного лица, но не решился.

«Он думал уйти, потому что вы его предали», — чуть не сорвалось у меня. Сквайр вздрогнул, точно услышал мои мысли. Провел-таки пальцами по щеке Тома. Глянул на руку, словно ожидая увидеть кровь.

— Прости, — выговорил он нетвердо. — Мальчик мой, прости меня...

Мистер Трелони повернулся и двинулся

обратно ко дворцу. Однако не стал подниматься по лестнице, а зашагал вдоль нелепого, кичливого фасада с витражами, арками, колоннами, скульптурами, лепниной, позолотой и мозаикой. Том смотрел ему вслед, кусая губу. Доктор Ливси подтолкнул его:

— Беги. И помирись. Иначе никуда не полетим.

Он помчался. Нагнал сквайра, пошел рядом. Тонкий, гибкий Том был одного роста с плотным, несколько тяжеловесным отцом. Мистер Трелони вдруг обнял его за пояс и привлек к себе. Так и двинулись дальше — поникший, сгорбившийся сквайр и оживший, полный надежд Том-лисовин.

— Алекс, — с шутливой торжественностью заговорил космолетчик, — я, Дэниэл Эрроу, твой первый помощник, при свидетелях обещаю: я сделаю все возможное, чтобы за мистером Трелони не явились Чистильщики. Можешь о нем не тревожиться.

Глава 7

Капитан Смоллет отказался от гостеприимства сквайра и поселил экипаж «Испаньолы» в «Адмирале Бенбоу». Мы с матерью стояли за то, чтобы космические волки гостили у

нас бесплатно, однако мистер Смоллет и слышать об этом не захотел.

Для дальнего перелета в экипаже не хватало пятерых человек: народ разбежался от бескормицы. Капитан принялся искать людей. Он часами просиживал в информсети и часто пользовался дальсвязью, которую оплачивал мистер Трелони. Дело не ладилось, вылет все откладывался и откладывался. Сквайр ворчал, что капитан слишком придирчив в выборе специалистов и что экспедиция к безымянной планете — это не брак на всю жизнь и незачем так осторожничать. При мистере Смоллете он не высказывался, однако решил поторопить события и взял хлопоты на себя.

В то ясное утро, когда поднявшееся солнце еще не растопило иней на песке, море позванивало схватившимися за ночь ледышками, а недоукомплектованный экипаж «Испаньолы» и мы с Томом Редрутом завтракали в ресторане, сквайр торжественно, точно император со свитой, вошел в зал. С ним было пять человек: широкоплечий мужественный блондин с густыми черными бровями и волевым подбородком; ладно скроенный брюнет со смуглым, резко очерченным, жестковатым лицом, на котором сверкали зеленые глаза; миловидный парнишка с девичьим румянцем во всю щеку, пушистыми ресницами и слегка

испуганным взглядом; сероглазый красавец, как будто сошедший с рекламной картинки, но уставший улыбаться; и еще субъект удивительного цвета: сизые щеки и подбородок, темно-лиловые глаза, копна сиреневых волос. Все могу понять — но на кой ляд красить шевелюру? Или он таким уродился?

Пожелтевшие к зиме пальмены в кадках у двери признали важных гостей, встрепенулись, выпрямили лениво искривленные стебли и с шуршанием расправили узкие стрелы листьев.

— Доброе утро, господа, — заговорил мистер Трелони, направляясь к столику, за которым завтракал капитан Смоллет с двумя своими помощниками. — Здравствуйте, дорогой капитан. Хочу вас порадовать: наши проблемы наконец решены. Вот люди, которых нам не хватало. Отличные спецы! А... гм... — Сквайр огляделся. — Где же Том?

— Здесь, сэръ, — отозвался неузнанный им Том-лисовин; сквайр только что прошел мимо него.

Сегодня Том был в маске, удивительно похожей на лицо Дэниэла Эрроу, первого помощника. Переселившись в нашу гостиницу, он продолжал ходить с биопластом, уверяя, что за четыре года привык к нему и без маски чувствует себя неудобно. Перед завтраком капитан Смоллет

шутливо указал, что двух Эрроу на борту корабля он не потерпит, и не потрудится ли уважаемый лисовин подобрать себе иную, ни к чему не обязывающую личину?

— Слушаюсь, сэр, — кротко ответил Том. И добавил, великолепно копируя первого помощника: — Я подумаю над вашей просьбой, Алекс.

Тогда мистер Смоллет посмеялся; сейчас, при виде сквайра Трелони со свитой, его синие глаза потемнели и стали чуть ли не черными. Он поднялся, приветствуя вошедших:

— Здравствуйте, господа.

Под грозвым взглядом капитана они смутились, один сквайр ничего не заметил.

— Дорогой капитан, я знаю, какие высокие требования вы предъявляете. Но эти специалисты удовлетворят самых придирчивых. У них безупречные послужные списки и отличные рекомендации.

— Я доверяю вашему выбору, сэр, — отозвался мистер Смоллет. Так и слышалось: «Где вы откопали этот сброд?»

По мне, приведенные сквайром космолетчики на сброд не походили. Блондин с великолепными черными бровями примирительно улыбнулся, обращаясь к мистеру Смоллету:

— Извините, сэр. Мы бы не сунулись к

чужому капитану без приглашения — но когда мистер Трелони предложил работу... — он выразительно развел руками: дескать, не смогли устоять.

— Не понял, — холодно проговорил капитан.

— То есть когда мы предложили свои услуги, а мистер Трелони согласился нас взять, — поправился чернобровый. — Мы были в отчаянном положении, сэр, — добавил он, оправдываясь.

— Теперь понимаю, — ответил мистер Смоллет еще холоднее.

Еще бы. Нанявшись на корабль в обход него, эти пятеро нарушили святое правило: RF-капитан лично подбирает себе команду.

— В таком случае, господа самозванцы, — дружелюбно заговорил мистер Эрроу, а его карие, с золотистым отсветом, глаза улыбнулись, — садитесь и выкладывайте, кто вы такие и зачем нам нужны. Мистер Трелони, присаживайтесь, — он подвинул сквайру кресло.

Капитан Смоллет уселся на свое место и с непроницаемым лицом принялся доедать завтрак. По-моему, он был взбешен.

«Самозванцы» разместились возле столика и начали исповедоваться перед первым помощником. Я перехватил недоуменные взгляды, брошенные на сидевшего рядом со мной Эрроу-2. Том-лисовин

неловко поерзал и подался ко мне:

— Слушай, друг Джим, тебе чернобровка никого не напоминает?

Блондин с черными бровями уже представился Израэлем Хэндсом, RF-пилотом, и как раз перечислял, в каких компаниях он работал и куда летал. Я покачал головой:

— Не припомню.

— Гляди внимательней, — зашептал Том. — Да не на морду — мы биопласта навидались. Я его недавно где-то видел.

— Ну и что?

Том не сумел объяснить, что его встревожило. Израэль Хэндс был опытный пилот и, как мне показалось, спокойный доброжелательный человек. Техника Джоба Андерсона — уставшего улыбаться рекламного красавца — наш лисовин молчаливо одобрил, второго техника Дика Мерри — тоже, несмотря на копну сиреневых волос. А Тома Грея, смазливую парнишку с девичьим румянцем и странной специальностью «планет-стрелок», он долго рассматривал с подозрением. Похоже, налепив маску первого помощника, Том ощутил особую ответственность за судьбу корабля.

Наконец представился последний из «самозванцев» — ладный брюнет со смуглым лицом и сверкающими зелеными глазами:

— Джон Сильвер.

Именем он и ограничился. У него был прямой нос с хищным вырезом ноздрей, твердые губы и четко вылепленный подбородок.

— Вы навигатор? — спросил капитан Смоллет, оторвавшись от фруктового коктейля.

— Да, сэр, — отозвался Сильвер с заминкой.

— Катастрофа на «Илайне»?

— Вы хорошо осведомлены, сэр.

— Вы были уволены из RF, — продолжал мистер Смоллет, — по состоянию здоровья. Почему вы нанимаетесь на работу, которую не можете выполнять?

— Чтобы не умереть с голоду, — дерзко ответил Сильвер.

— Дорогой капитан, — вмешался сквайр Трелони, — я нанял Джона судовым поваром.

— Теперь он точно с голоду не помрет, — встрял Том-лисовин.

Первый помощник улыбнулся, капитан — нет. Склонив голову набок, он разглядывал Сильвера, точно редкое животное в зверинце. Бывший навигатор стиснул зубы: на скулах шевельнулись желваки.

— Как давно вы имели дело с?.. — начал мистер Смоллет.

— Я не хотел бы отвечать на этот вопрос, —

перебил Сильвер.

— И все-таки?

— Пятнадцать лет назад, сэра, — отчеканил бывший навигатор. И с вызовом добавил: — Хотя это никого не касается.

— О чем речь? — вполголоса спросил меня Том.

— Понятия не имею.

— Но ты — Трижды Осененный. Должен понимать.

Сильвер расслышал шутливо-возмущенный упрек нашего лисовина.

— Трижды Осененный? — вырвалось у него. Ей-богу: бывший навигатор испугался.

Впрочем, я не успел толком это осознать: куртка у Сильвера на груди зашевелилась, и между застежками протиснулась дымчатая, с серебристым отливом голова. Треугольные черные уши подрагивали, круглые серые глазищи с любопытством уставились на мир.

— Поюн! — ахнул Том. — Настоящий поюн! Можно подержать? — Вскочив с места, он шагнул к Сильверу.

Поян выбрался из своего убежища и вскарабкался Сильверу на плечо. Выгнул спину, распушил короткий серебристый хвост и радостно воскликнул:

— О-о!

Том протянул к нему ладонь. Поюн потрогал ее лапой:

— О-о! Ух, — добавил он уважительно.

Жесткое лицо Сильвера смягчилось, он улыбнулся и почесал зверьку брюшко. Цепляясь коготками, поюн проворно двинулся вверх по руке нашего лисовина. Взобрался, ткнулся носом ему в шею, обнюхал щеку, разочарованно вздохнул:

— Э-эхх, — и перепрыгнул на голову первому помощнику. — Я с тобой! — вскричал он, словно прибыл к лучшему другу.

— Уйди, зараза! — мистер Эрроу замахал руками, пытаясь его согнать. — Наглый коготун.

— Я с тобой! — восклицал зверек и нежно приговаривал: — Ах-ах, — тычась мордочкой в густые, неровно седеющие волосы первого помощника.

— Джон, заберите его. Пошел, пошел со своими крючками!

Скребнув его по виску и оставив четыре царапины, поюн спрыгнул на стол и боязливо обнюхал руки второго помощника, который до сих пор не произнес ни слова, а лишь приглядывался к пятерым «самозванцам». Не знаю, как Крис Делл что-либо видел: тяжелые темно-рыжие волосы все время падали ему на глаза. Затем прыткий зверек

взмыл в воздух — и шлепнулся на столик передо мной, въехав задней лапой в вазочку с шоколадным суфлеем. Конфуз его не смутил: подпрыгав испачканной лапой и забрызгав весь стол, поюн встал на дыбки, упираясь мне в грудь, и лизнул в подбородок.

— Ах, Джон, — пропел он женским голосом.

Космолетчики покатались со смеху.

— Джон, ах, Джон... — Зверек подпрыгнул и попытался лизнуть меня в щеку.

Я поймал его в прыжке.

— Что ты болтаешь? Скажи: «Ах, Джим».

— Ах-джимах, — отозвался поюн, дергая задними лапами, словно крутил невидимые педали. И сердито воскликнул: — Совсем сумасшедший!

Как они хохотали!

Я отпустил поюна, и он стремглав понесся к Сильверу, одним духом взлетел ему на плечо.

— Джимах! — крикнул он оттуда, пуша свой короткий хвост. — Сумасшедший!

— Как его зовут? — отсмеявшись, спросил капитан Смоллет.

— Прошу прощения, сэр, — с достоинством ответил Сильвер, — его зовут так же, как вас: Александр.

— Дайте-ка мне моего тезку, — попросил капитан. — За поюна вам прощаются ваши грехи.

Сняв зверушку с плеча, бывший навигатор протянул ее мистеру Смоллету. Оказавшись у капитана, зверек вдруг заверещал, задергался, пытаясь вырваться, и до крови располосовал ему руки. Капитан не выпускал его, сжимая извивающееся тельце, и вопросительно смотрел на растерявшегося Сильвера.

— Отпусти тезку, — не выдержал первый помощник. — Напугал зверя до смерти.

Мистер Смоллет разжал пальцы. Поюн кинулся к хозяину, нырнул под куртку и притаился, словно его и нет. Сильвер прищурился.

— Неужто вы такой скверный человек, сэр, что поюн вас боится?

Капитан не спеша обтер салфеткой расцарапанные руки и лишь затем ответил:

— Поюн испугался, потому что боится его хозяин. — Синие глаза вспыхнули беспощадным огнем, требуя правдивого ответа. — Почему вы меня боитесь, Джон?

Сильвер выпрямился.

— Я не боюсь вас, сэр.

— Вы лжете.

— Нет! Я... — бывший навигатор запнулся. — Я опасаясь, что вы не возьмете меня в рейс.

— Почему?

Сильвер вытягивался все больше. Казалось, сила горящего капитанского взгляда вот-вот оторвет его от кресла и заставит вскочить на ноги, встать по струнке.

— За мной есть вина, сэр... серьезная вина.

— Какая?

Бывший навигатор вдруг обмяк, откинулся на спинку кресла и убито пробормотал:

— Это мое семейное дело, сэр. Совершенно личное. — Он помолчал и, хотя капитан не стал больше допытываться, признался: — У меня были нелады с женой. Я ее сильно обидел.

— Вы смелый человек, Джон, — сказал сквайр Трелони. — Все до дрожи боятся пресловутых Чистильщиков, а вы — нет.

— Я боюсь, — отозвался Сильвер. — Не меньше, чем любой другой.

— Но послушайте, — обеспокоился сквайр. — А если они вас заберут? Мы останемся без кока?

— Я рассчитываю, что обойдется.

— Сэр, этих людей наняли вы, — заметил Крис Делл, второй помощник мистера Смоллета. Он тряхнул головой, темно-рыжая челка колыхнулась, на миг открыв прищуренные льдистые глаза. Делл был очень сердит. — Именно вы несете за них ответственность.

— В каком смысле? — нахмурился мистер

Трелони.

— Видите ли, сэр, обычно RF-капитан сам подбирает экипаж, — с отменной вежливостью начал объяснять второй помощник. — Он отвечает за безопасность людей — за то, чтобы в рейсе никого не забрали. Если он ошибается и допускает на борт человека, с которым случается беда, виноват капитан. А сейчас, — Делл кивком указал на «самозванцев», — вся вина ляжет на вас.

— И тогда Чистильщики явятся за мной? — уточнил сквайр.

Второй помощник любезно улыбнулся; за улыбкой я угадал ледяную ярость.

— Это зависит от того, сэр, насколько сильно вы будете себя корить.

— Я не буду, — заявил мистер Трелони. — Здесь все взрослые люди и лучше меня знают, что такое RF и Чистильщики. Джон, если вы действительно в чем-то там виноваты, откажитесь лететь...

— Нет, — отрезал Сильвер.

— Сумасшедший! — вякнул из своего укрытия поюн Александр.

Сильвер хлопнул по груди ладонью, и поюн снова затаился.

— Надеюсь, ребята нас не подведут, — проговорил мистер Эрроу, всегда готовый

вступить за собратьев-космолетчиков. — Не подведете?

— Нет, сэр, — ответил за всех Джон Сильвер.

— Алекс? — обернулся первый помощник к капитану.

Тот покачал головой:

— Я не готов принять решение.

— Мистер Смоллет! — внезапно рассердился сквайр. — Я по горло сыт проволочками. Либо мы завтра летим, либо я нанимаю другой корабль.

Поюн высунулся из-под куртки:

— Совсем сума...

Израэль Хэндс, выбросив руку, пережал ему горло. Зверек широко зевнул и выпучил глаза.

— Я задушу тебя, болтун, — процедил пилот.

— Даю вам сутки, капитан, — мистер Трелони резко встал. — Если корабль не будет готов к взлету, пеняйте на себя.

Разгневанный сквайр вышел из ресторана; пальмены у входа проводили его шуршанием вздрогнувших листьев. Том-лисовин сжался; у «самозванцев» вид был смущенный и виноватый. Один лишь Сильвер посмел прямо взглянуть на капитана. Солнце светило ему в лицо, и глаза бывшего навигатора сверкнули зеленым огнем, как у зверя.

— Сэр, все будет хорошо.

Сильвер погладил распластавшегося у него на груди придушенного поюна. Тезка нашего капитана висел, когтями вцепившись в ткань куртки, похожий на распяленную шкурку.

Том-лисовин вдруг подался вперед.

— Мистер Смоллет, разрешите задать вопрос Джону Сильверу, — проговорил он, откровенно подчеркивая свое уважение к капитану, которому сквайр только что устроил разнос.

— Задавай.

— Два вопроса, — поправился Том. — Джон, вы раньше бывали в этих местах?

— Нет, — ответил бывший навигатор.

— Вы объяснили, отчего поюн испугался мистера Смоллета, — продолжал наш лисовин с охотничьим блеском в глазах. — А отчего он полез к Джиму целоваться?

Ну и вопрос! Я ожидал, что вокруг меня грянет хохот, но космолетчики ограничились ухмылками. Сильвер задумался.

— Александр почуял Трижды Осененного Птицей, — сказал он наконец. — И вообще Джим — лесной человек, зверье должно его любить.

Он говорил дело. А Том схлопочет по ушам, если будет выступать.

— А ты, — бывший навигатор вдруг повысил голос, — ты кто такой? Юнга? — Он выплюнул это

слово, как залетевшую в рот мушину.

Пока наш лисовин соображал, кем его обозвали, Сильвер обернулся к мистеру Смоллету.

— Сэр! Вы летаете с юнгой на борту?

— Джон, — вмешался первый помощник, — вы прекрасно знаете, что это не запрещено...

— Мистер Смоллет! — Сильвер взвился; поюн чуть не свалился с него, заскреб лапами. — Вы! С юнгой?!

— Замолчи, — сказал Израэль Хэндс, и бывший навигатор умолк, только губы кривились.

— Что такое «юнга»? — спросил Том.

Сильвер обернулся к нему, ухватил за подбородок и задрал лисовину голову, всматриваясь в лицо.

— Ты не знаешь?

Том вырвался.

— Я бы не спрашивал, — огрызнулся он, потирая подбородок.

— Юнга — это смертник при RF-капитане, — проговорил Сильвер странно звенящим голосом. — Он отдает свою жизнь, если на корабле случается беда... когда жизнь капитана оказывается в опасности. За это хорошо платят.

— И редко пользуются, — добавил мистер Смоллет. — Нет, Джон: я летаю без юнги.

Бывший навигатор перевел дыхание, как

будто было чрезвычайно важно, что у нашего капитана нет юнги, готового за него умереть.

— Извините, сэр, — тихо сказал он. — Я вдруг подумал... — Сильвер беспомощно пожал плечами. — Извините. — Он вернулся на свое место.

— Еще раз подумаешь не то — останешься на Энглеланде, — заметил Хэндс.

Том коснулся моего локтя, взглядом указал на Хэндса с Сильвером и шепнул:

— Они мне не нравятся.

— Ты им — тоже, — ответил я не задумываясь.

Том подобрался.

— Мистер Смоллет, разрешите задать вопрос пилоту Хэндсу.

— Ну уж нет, — чернобровый Хэндс с усмешкой повернулся в нашу сторону. — Сейчас моя очередь спрашивать. Я никогда не бывал у вас на побережье; где я мог тебя видеть?

— Не знаю, — настороженно ответил Том.

— Может, в Бристле? — задумчиво произнес пилот. — В Веселом районе?

В точку. Том залился краской, как девчонка. Мэй-дэй! Ну и детки у сквайра Трелони. Лайна деньги ворует, Том в Веселом районе развлекается.

Под общий смех он вскинул голову:

— Мистер Смоллет?

— Слушаю тебя, лисовин.

— Мистер Смоллет, — повторил Том, волнуясь. — Можно, я буду вашим юнгой?

Настала полная тишина. Только похрустывали, сворачиваясь, листья пальмен. Космолетчики глядели оторопело.

— Послушай, — наконец обратился к Тому Джон Сильвер, — юнгу на RF-корабль нанимает не капитан, а первый помощник.

Том повернулся к мистеру Эрроу.

— Сэр, возьмите меня юнгой. Без оплаты.

— Уймись, — сказал тот.

— Во-вторых, — продолжал бывший навигатор, — по уставу, капитану не положено знать, кто у него юнга.

Наш лисовин блеснул зубами в неожиданной хищной усмешке:

— Мы сегодня только и делаем, что нарушаем устав. Мистер Эрроу! Я прошу вас.

Первый помощник поджал губы. Зато льдистый взгляд Криса Делла неожиданно смягчился; второй помощник откинул со лба челку и рассматривал Тома с искренним любопытством.

— Ни один уважающий себя RF-капитан с юнгой не летает, — подал голос старший пилот Питер Рейнборо — улыбчивый симпатяга с

длинными раскосыми глазами. — Если правда выплывет — позор на весь флот.

— Экипаж подержит рот на замке, — заявил наш лисовин.

— Зачем это тебе? — поинтересовался капитан Смоллет.

— Сэр, меня тревожит, что человек, который не был приглашен на борт, а сам навязался вам на голову, первым делом начинает выяснять, есть ли у капитана корабля юнга-смертник, — отрапортовал Том. — Я считаю, что в таком случае юнга вам необходим.

Сильвер вскинулся, желая что-то сказать, но капитан движением руки заставил его молчать.

— Ты так считаешь? — переспросил мистер Смоллет.

— Да, сэр.

— И не просишь оплаты?

— Нет, сэр.

— Хорошо. — Синие глаза капитана улыбнулись. — Будешь юнгой. Дэн, расскажи Тому о его правах.

Первый помощник скривился, как будто у него отчаянно заныли зубы.

— Ладно, сам объясню. В критической ситуации юнга имеет право отказаться от своих обязанностей, и никто не заставит его отдать жизнь

капитану корабля...

— Я не откажусь, сэр.

Мистер Смоллет сделал вид, будто его не перебивали.

— Однако и капитан может отказаться от услуг юнги. Все понятно?

— Да, сэр.

— А теперь, юнга лисовин, изволь до вечера не попадаться мне на глаза, — сказал мистер Эрроу. — С меня довольно идиотских выходок. — Он наградил тяжелым взглядом Сильвера.

Бывший навигатор потупился. А висевший безжизненной шкуркой поюн вдруг отцепился, спрыгнул на пол, подбежал к Тому и вскарабкался ему на колени.

— Ах-ах, — нежно проворковал он. Вспрыгнул Тому на плечо и принялся передними лапами перебирать ему волосы. — Ах, Джон... Хорошо. Будешь юнгой. Дэн, расскажи Тому о его правах.

Поюны отлично чувствуют настроение своих хозяев — и выдают их с головой. Хотел бы я знать, чем Сильверу так понравилась инициатива нашего лисовина.

— Юнга! — рявкнул первый помощник. — Ты слышал приказ?

— Да, сэр. — Том вскочил. — Джим, пойдём.

Я предпочел бы остаться с космолетчиками, но Том настойчиво дернул меня за рукав. Поюн стрелой понесся назад к хозяину.

У двери наш лисовин обернулся:

— Пилот Хэндс!

Чернобровый блондин повернул голову.

— Я вспомнил, где мы с вами встречались, — торжествующе объявил Том. — В Веселых банях.

Я подавился воздухом. Мой отец всыпал бы мне по первое число, ляпни я такое.

Том кинулся вон из ресторана. Дверь за нами захлопнулась, но я успел услышать дружный хохот в зале.

— Совсем сумасшедший! — воскликнул я, как поюн Александр. — Кто тебя тянул за язык? Что они будут думать?

Лисовин беспечно махнул рукой.

— Да не был я в банях. Пускай Хэндс отмазывается... И знаешь что, друг мой Джим, — произнес он, размышляя, — в Веселый район я забрел только раз. И так-таки совпал с Хэндсом? — Том с сомнением покачал головой. — Наверняка он это сказал, чтобы мне рот заткнуть.

— Странные они, — сказал я. — RF, Чистильщики, смертники... Почему про этот RF ничего толком не сказано в информсети?

— Из парней все приходится клещами

вытягивать, — добавил Том. — Я бился, бился, расспрашивал. А кабы не Сильвер, мы бы про юнгу и не услышали. И что там произошло пятнадцать лет назад? Черт! Ни от кого не узнаешь...

— Может, поискать в сети «Илайн»? — предложил я.

— Точно, — обрадовался наш лисовин. — Пойдем.

Мы поднялись в его номер и подсели к компу. Ну и работенка — ползать по сети в поисках того, не знаю, чего. Можно подумать, RF является государственной тайной и строго засекречен. В конце концов мы каким-то чудом сумели подобрать код доступа и попали в галактическую сеть. Все прокляли: и бестолковую организацию нашей сети, и жесткий изоляционизм правительства. Энгеланд уж лет пятьдесят как отгородился от внешнего мира, и его жителей оберегают от дурного влияния чужаков. Беречь-то нас берегут, но и обкрадывают тоже. Раньше мне было все равно, а тут вдруг ясно осознал, что к чему.

В галактической сети мы таки обнаружили сведения об «Илайне». Оказалось, это был не звездолет, а космическая база, где отдыхали экипажи нескольких кораблей, в том числе одного RF. И в этот самый «Илайн» вмазался накачавшийся наркотиками космодезантик,

который угнал яхту и пытался удрать от повисшей на хвосте полиции. Яхта — всямятку, база получила сильные повреждения, тридцать два человека погибли, восемьдесят пять ранено, из них трое сильно обгорели. Среди этих обгоревших был и RF-навигатор первого класса Джон Сильвер.

Я удивленно присвистнул, когда нам удалось вывести на экран его изображение: ничего общего с тем Сильвером, которого привел сквайр Трелони.

— Это не он.

— Ну-у... — Том изучал худое, угловатое, заросшее черной бородой лицо навигатора, — он обгорел и ходит с маской. Ты заметил? У него всюду биопласт — на лице, на шее, на руках.

— Но у этого глаза серые, а у нашего — зеленые.

Ткнув клавишу, Том увеличил изображение, и малосимпатичная физиономия заняла весь экран.

— Да тоже зеленоватые, — произнес лисовин. — Ты вот что скажи мне, друг Джим: отчего у капитана и Сильвера глаза светятся?

— Не скажу. Не знаю.

Конечно, я подкатывался с расспросами к мистеру Эрроу и другим космолетчикам, да попусту.

— То-то и оно, — кивнул Том. — Давай-ка что-нибудь про RF поищем, раз уж в галактической

сети...

Тут в дверь поскреблись, и в номер заглянула Шейла. Ее румяные щеки побледнели, в волосы были кокетливо вплетены нежно-зеленые перья.

— Завтра вылетаете? Это правда? — Шейла мялась на пороге.

— Похоже на то. — Я выключил комп.

И чуть не схлопотал по рукам от Тома.

— Ты спятил?! — возмущенно заорал Лисовин. — Какого черта?!

— Заткнись.

Он заткнулся. Одумался и вежливо пригласил Шейлу зайти и составить ему компанию, ведь Джим так и так собирался уходить... Он еще что-то ей плел, а я поспешно убрался. Шейла на четыре года старше Тома и оттого стесняется решительно взять его в оборот. Лисовин тоже стесняется — и вот они вокруг друг дружки ходят, облизываются. Хоть бы столковались наконец.

Оказалось, пока мы с Томом лазали по информсетям, космические волки улетели в Бристль, где стояла на космодроме «Испаньола». Капитан всерьез воспринял угрозу сквайра Трелони и отправил экипаж готовить корабль к взлету. В «Адмирале Бенбоу» остался лишь сам мистер Смоллет, Дэниэл Эрроу и «самозванцы».

Они собрались на берегу, у воды, и что-то

шумно обсуждали, размахивая руками и толкаясь. Непонятно было, ссорятся они или веселятся; капитан и его первый помощник стояли чуть в стороне. Я подошел к космолетчикам. Волны лениво подымали спины, шурша и позванивая льдинками, солнце дробилось на них и вспыхивало тысячами острых искр, холодный ветер тут же забрался под куртку.

— И не уговаривайте! — кричал Том Грей. — Совсем рехнулись! Мистер Смоллет, разве вам нужен захлебнувшийся планет-стрелок?

— Давай-давай, — наступали на Грея Андерсон и Мерри, теснили к воде. — Плыви.

— Куда вы его отправляете? — вмешался я. — Планет-стрелок — не ледакол.

— Он проиграл в «водянку», — объяснил Дик Мерри, плотнее натягивая капюшон, отороченный черным мехом. Из-под капюшона выбивались пряди волос, которые на солнце казались не сиреневыми, а дымчато-серыми, как шкура у поюна. — Проиграл — должен плыть.

— Слишком холодно.

По-моему, этим все было сказано — но «самозванцы» считали иначе. Они вновь насели на планет-стрелка, а капитан с первым помощником спокойно наблюдали, как отбивается несчастный Грей, которого приводил в ужас один только вид

плавающих в воде льдинок.

— Парни, да вы что? Я же утону, ей-богу!

Разошедшийся Андерсон толкнул его в плечо; Грей отшатнулся и оказался по щиколотку в воде. Рванулся обратно на сушу, однако ему преградил дорогу чернобровый Хэндс:

— Плыви.

Отчего мистер Смоллет позволяет заниматься ерундой? Утопленник нам ни к чему, планет-стрелок с воспалением легких — тоже не подарок.

— Бросьте чудить, — сказал я. — Найдите бассейн с подогревом — в нем и...

— Не лезь, — осадил меня Андерсон. — Не твое дело.

— Мое. Вы живете в моей гостинице — а у нас запрещено купаться в холодное время года.

— С какой стати?

Я замешкался с ответом. Что придумать? До сих пор никому не приходило на ум лезть в воду осенью.

— Я за него сплаваю, — заявил Сильвер, сбрасывая куртку на мокрый от растаявшего инея песок.

На куртку прыгнул поюн Александр, выгнув спину, распушил хвост.

— Нет, — сказал Хэндс — точно тяжелый

камень уронил.

Не отвечая, Сильвер стянул теплый свитер, затем скинул мягкую рубашку. Поюн насторожил уши, наблюдая за хозяином. Бывший навигатор нагнулся, расшнуровывая ботинки. Великолепный торс, литые бицепсы. Том-лисовин сказал: это все биопласт. Хороший мастер делал.

Хэндс ухватил Сильвера за плечо и рывком заставил распрямиться.

— Сказано: нет.

Бывший навигатор полоснул его свирепым взглядом:

— Отпусти!

Ну, дела... Либо нервный Сильвер что-нибудь отколет, либо утопят планет-стрелка. Грей стоял у кромки воды, на мокром, расползающемся под ногами песке. Шурша льдинками, набежала волна, закружила пену вокруг ботинок.

— Прекратите, — велел я, как будто здесь были не космолетчики со своим капитаном, а дурные горожане. — За нарушение правил поведения на пляже — штраф двести стелларов.

Мерри вытащил кредитку и с ухмылкой протянул мне:

— Плачу. Но Грей поплывет.

— Отпусти! — крикнул Сильвер Хэндсу.

— Отпусти! — поддакнул поюн женским

голосом. — Сумасшедший!

Еще минута перепалки — и капитан Смоллет откажется брать «самозванцев» на борт. Идиоты.

— Хватит дурить. С краккеном решили познакомиться? Он охотно пообедает.

Прожорливый краккен опасен в любое время года, но хуже нет с ним встретиться, когда он нагуливает жир к зиме. Его у нас отродясь не бывало — краккен водится у западного побережья — но космолетчики этого не знали.

Грей отшатнулся от воды, Андерсон и Мерри переглянулись.

— Вздор, — решительно объявил Сильвер. — Я поплыву.

— Нет! — рыкнул Хэндс и оттолкнул его так, что Сильвер не удержался на ногах.

Бывший навигатор прокатился по песку, вскочил, бледный от злости.

Капитан Смоллет холодно наблюдал за «самозванцами», первый помощник отвернулся, разглядывая небо над верхушками облетевших ивушей. Ну, парни — сами себе враги. Краккена на них нет...

— Эй! — вскрикнул планет-стрелок. — А там что такое? — Он вытянул шею, глядя мне за спину.

Я обернулся. Мэй-дэй! Из раздавшихся волн поднялась квадратная морда: над глазами похожие

на рога наросты, борода из болтающихся щупалец, широкая пасть приоткрыта в злорадной усмешке.

Мы дружно шарахнулись прочь от воды.

— Это краккен? — мистер Смоллет достал из-под куртки маленький карманный лучемет. Я и не знал, что наш капитан носит при себе такое оружие. — Он опасен на суше?

— Нет, — ответил я, разглядывая рогатую, бородастую зверюгу.

Мокро блестящие щупальца под нижней челюстью шевелились. Мерзкая тварь.

— Мистер Смоллет, — Сильвер неожиданно засмеялся, подобрал рубашку, стряхнул налипший песок. — Это же надувная игрушка — постояльцев пугать. Верно, Джим?

Квадратная морда покачивалась в волнах и злорадно скалилась.

— Это настоящий краккен, — отозвался я, недоумевая, откуда он взялся, да еще так кстати.

— Значит, ручной. — Бывший навигатор насмешливо сощурился. — Здорово ты его выдрессировал.

Держать краккена возле гостиницы? Я не спятил. Может, он от соседей приплыл? Хозяин «Старого винодела» — известный шутник. Однако с краккеном шутки плохи.

— Мистер Смоллет, его лучше убить.

Капитан вскинул руку с лучеметом. Мелькнул тонкий, блеклый на солнце, луч — и краккен исчез.

— Чудеса, — пробормотал мистер Смоллет. Он обернулся к космолетчикам: — Чей был зверь?

Странный вопрос. Парни молчали, и их молчание тоже было странным. В глазах капитана вспыхнул знакомый беспощадный огонь.

— Израэль? — обратился мистер Смоллет к Хэндсу.

Чернобровый пилот молча помотал головой.

— Том?

Планет-стрелок замахал руками:

— Что вы, сэр! Откуда?

— Джоб?

— Нет. — Андерсон скроил гадливую гримасу.

— Дик?

— Нет. Клянусь, — с чувством проговорил Мерри, для пущей убедительности приложив к сердцу ладонь.

— Джон, — повернулся к Сильверу капитан. — Это ваша работа.

Бывший навигатор метнул на меня тревожный взгляд, словно просил помощи. У меня! Я вообще сообразить не могу, о чем речь.

— Да, сэр, — произнес он. — Виноват. Больше не повторится.

Хэндс открыл было рот — но смолчал, лишь нахмурился.

Первый помощник тоже нахмурился — и тоже ничего не сказал. Мне сделалось не по себе. Что-то неладно; ох как неладно... Мистер Эрроу кивнул капитану, и они двинулись прочь вдоль кромки воды. Заговорили о чем-то, но я не разобрал ни слова.

Четверо «самозванцев» как по команде повернулись к Сильверу. Бывший навигатор подобрал поюна и накинул на плечи куртку.

— А еще что ты умеешь? — мрачно осведомился Андерсон.

— Отвяжись, — буркнул Сильвер.

— Какого черта? — в сердцах воскликнул планет-стрелок Грей. — Вот надо ж было... Тьфу! Зачем?

— Помолчи, — огрызнулся Сильвер.

— Зачем? — вякнул поюн голосом планет-стрелка и получил щелчок по лбу. — Сумасшедший! — возмутился он.

Бывший навигатор повернулся и зашагал через пляж к гостинице.

— Сумасшедший! — заверещал, извиваясь, поюн у него в руке. — Тьфу! Тьфу! Сумасшедший!

— Что случилось? — спросил я в полном недоумении. — Все видел собственными глазами

— и ничего не понял.

— Твой краккен — галлюцинация, — устало сказал Хэндс. Он постоял в задумчивости и двинулся догонять Сильвера.

— Влипли, — расстроено пробормотал Грей. — И что теперь?

— По домам, — отозвался мрачный Андерсон.

Космолетчики примолкли; я ощутил себя лишним. Что-то явно осталось недосказанным, но при мне обсуждать свои дела они не собирались.

Я направился к «Адмиралу Бенбоу». Сильвер способен вызывать массовые галлюцинации? Ну и ну. Мистер Смоллет наверняка тоже многое умеет; вспомнить только, как он заставляет людей говорить правду. Сдается мне, покойный Билли Бонс был не совсем прав: бояться надо не одних лишь RF-навигаторов, а всех этих *risky fellows*.

Глава 8

«Самозванцы» напрасно тревожились: мистер Смоллет не погнал их из экипажа. Он лишь поговорил о чем-то с Сильвером с глазу на глаз; бывший навигатор казался сильно удручен этим разговором. А затем все космолетчики и RF-навигация вылетели у меня из головы, потому

что на площадку перед «Адмиралом Бенбоу» опустился знакомый глайдер, из кабины выскочил пилот и открыл дверцу перед Лайной.

Сегодня моя любимая была не Лайной — она была королевой Кэролайн. В распахнутой шубке поверх длинного платья, в жемчугах, с высокой прической, она с королевским достоинством ступила на землю и повернулась к «Адмиралу Бенбоу». Придирчиво оглядела его шпили и башенки (куда нашему скромному «Адмиралу» до дворца Трелони!) и величаво двинулась вверх по лестнице, где стоял я. Выбежал ей навстречу, да и замер у двери — и стоял как чурбан, не зная, что сказать или сделать: такая она была красивая, богатая, чужая.

Я любил Лайну. Любил сине-зеленые глаза, темные локоны, хрупкие плечи, тонкие руки. Но сейчас от ее гордой осанки, надменно вздернутого подбородка, повелительного взгляда сделалось неуютно. Кэролайн — королева «Жемчужной Лагуны». А я кто?

— Здравствуй, — тихо сказала она, остановившись ступенькой ниже. — Джим, я хотела попрощаться...

И вдруг с нее слетело все королевское достоинство: моя любимая жалко заморгала, на ресницах блеснули слезинки, а чужое, сильно

повзрослевшее лицо внезапно сделалось несчастным и родным.

— Джим, — вскинув руки, Лайна обняла меня и горестно шепнула: — Я не хочу, чтоб ты улетал.

— Я вернусь.

— А если... — она запнулась, — если нет?

Я погладил ее по волосам, стараясь не помять прическу.

— Джим, — отстранившись, Лайна заглянула мне в лицо, — я буду очень ждать.

— Я вернусь, — повторил я, хотя моя уверенность внезапно пошатнулась. Куда меня несет? Со сквайром Трелони, с авантюристом Томом, с risky fellows, от которых надо держаться подальше... — Обязательно.

— Я буду ждать, — повторила моя любимая.

Мы не пошли в гостиницу, а спустились вниз.

— Пройдемся немного, — сказал я пилоту; он кивнул и направился в бар.

Лайна улыбнулась.

— Мама платит Майку, чтобы глаз с меня не спускал, — сообщила она доверительно, — а я приплачиваю, чтобы оставил в покое.

Я повел ее по тропе в лес, прочь от холодного ветра с моря. Ветер шевелил облетевшие ветви, покачивал плетеные зеркала паутинников, звенел канатцами, на которых крепились зеркала. Сами

паутинники съежились, свернув серебряные нити в тугие клубки. С виду — мирные, безобидные шарики. Вот только подойди ближе. Метнутся вниз, исхлещут нитями так, что белый свет покажется не мил. Лайна посматривала на них с опаской. Смешная. Неужто я поведу ее там, где достанут ядовитые твари?

Мы прошли сквозь широкую полосу ивушей и добрались до края луга. Жесткая, устоявшая в ночные заморозки луговая трава зеленела, упрямо цепляясь за жизнь, а рыжие метелки плач-травы вокруг могильной плиты полегли. Я смахнул палые листья с плиты, вымел влажный сор из выбитых в камне букв: Рудольф Хокинс. До свидания, отец...

Лайна стояла притихшая, зябко куталась в свою расстегнутую шубку. Мэй-дэй! Шубка-то — бугафорская, застежек и в помине нет.

— Замерзла? — Я привлек Лайну к себе.

— Немного, — она уткнулась лицом мне в грудь, забралась ладошками в карманы куртки. — Так теплее.

Я поцеловал ее поднятые наверх, хитроумно сколотые волосы. Холодные. Пахнущие новыми духами. И все равно родные, любимые.

Невдалеке тревожно взвизгнул воронок. Крошечная птица далеко видит, отлично слышит. Я заозирался. Рысюк? Медведка? Человек?

Луг был пуст, а лес прозрачен, среди голых стволов ивушей и кленовиц редко стояли темно-зеленые ели-ели. Незамеченным не подкрадешься; однако бдительный воронок опять взвизгнул. На всякий случай я достал станнер. Лайна испугалась.

— Что такое?

— Не знаю.

Я напряженно вслушивался, всматривался — тщетно. Лес будто вымер. Можно подумать, воронок заскучал и подает голос от нечего делать.

— Смотри! — вскрикнула Лайна.

Я обернулся, готовый стрелять. Ох. Птица! Она сидела на ветке метрах в трех над землей, поглядывала на нас с Лайной черными бусинами глаз. Хвост смешно топорщится, маховые перья короткие, еще не отросли. Это чудом уцелевший сеголеток — совсем молодой, но уже сверкающий, будто сгусток драгоценных камней.

— Настоящая Птица, — изумленно прошептала моя любимая. — Джим, позови ее.

Я посвистел. В ответ раздался новый крик воронка, а Птица быстро кивнула, тряхнув малиновым хохолком.

— Еще позови, — попросила Лайна. — Пускай слетит ниже.

Снова посвистел. Птица приподнялась,

переминаясь на ветке, словно приплясывая. Лайна протянула к ней руку:

— Лети сюда. Лети!

Зашелся в крике невидимый воронок, а Птица развернула переливчатые крылья и спрыгнула на пару веток вниз.

— Лети ко мне, — уговаривала ее Лайна. — Ну? Давай!

Да что же воронок так расшумелся? Я снова обвел взглядом застывший, прозрачный, продуваемый студеным ветром лес. Никого.

А если это галлюцинация? Я не вижу ни души — а вокруг...

— Ложись! — крикнул я и толкнул Лайну, опрокинув наземь.

Крутанулся вокруг своей оси, полосую пространство над землей долгим выстрелом станнера. Почудилось: станнер отказал, ведь не упал ни один враг, ничто не мелькнуло за стволами деревьев. Вздор. Отцовский станнер не подведет, хоть выстрелов не видно и не слышно.

С пронзительным криком взвилась с ветки Птица — и ринулась ко мне, будто атакующий ястребец, бросилась в лицо, норовя разодрать когтями или клюнуть в глаз. Проклятье! Отбиваясь, я услышал вопль Лайны. Даванул кнопку станнера. Птица безжизненно шлепнулась к ногам. Я кинулся

к Лайне. Моя любимая пыталась подняться, неловко упиралась руками в землю; бледная, с дрожащими губами.

— Джим... — пролепетала она. — Что случилось?

— Как ты?

Ухватившись за меня, она встала.

— Птица... — прошептала Лайна, глядя перепуганными глазами. — Она была бешеная?

— Вряд ли.

Я вслушался. Обычная тишина осеннего леса; и воронок молчит. Я подвел Лайну к старому, поросшему седым мхом пню.

— Присядь.

Она нерешительно опустилась на него, сцепила руки на коленях. Шубка без застежек разошлась сверху донизу; я увидел беззащитную шею с ниткой жемчуга и трепетавшую в глубоком вырезе платья маленькую грудь.

Подняв станнер, я прошелся вдоль опушки.

— Ключ-ключ! — пискнула над головой синяя ключница, и словно по ее команде, завозились на ближайшей ели-ели ночные мышаки, проснулся в своем дупле дрозд-пропойца. Дрозда не зря так нарекли: его крик похож на мычание нарезавшегося пьянчуги.

Я — егерь. Я умею слушать лес. Этот лес был

пуст... Но покружив метрах в двадцати от опушки, я обнаружил следы: отпечатки ботинок возле старой раскидистой ели-ели. Густые ветви и толстый ствол превосходно укрыли чужака и от моих глаз, и от станнера. По следам на палой листве вперемежку с хвоей можно было читать как по книге: человек постоял, затем растянулся плашмя — скорей всего, когда я крикнул: «Ложись!» — и пополз прочь.

Я не рискнул идти за ним, потому что со мной была Лайна, и двинулся по следам в обратную сторону. Они вывели на ту же тропу, по которой мы дошли до могилы отца: неизвестный шел за нами, потом свернул в лес и сделал крюк, добравшись до места чуть позже нас. Тут поднял тревогу воронок, и чужак не рискнул приблизиться. За кем он шел — за мной или за Лайной? Дракона бы сюда. Чуткий кургуар взял бы след и указал, откуда явился неизвестный: не напрямиком ли из нашей гостиницы? Увы — нет моего Дракона...

Подмышкой я нес Птицу. Паралич у нее не проходил. Я придерживал холодеющее тельце, а голова с малиновым хохолком бессильно болталась. С чего Птице рвать меня и клевать? Никогда не случалось, чтобы Птицы нападали без повода — только защищая птенцов. У бедняги-сеголетка и птенцов-то еще не бывало... Может, он кинулся,

увидев у меня станнер? Птицы очень смышлены; сеголеток запомнил, как охотники стреляли в его сородичей, и узнал оружие в моей руке? Похоже на правду. Во всяком случае, иного объяснения я не придумал.

Когда мы возвратились к «Адмиралу Бенбоу», Птица была мертва.

— Бешеная, — убежденно проговорила Лайна. — Надо ее закопать.

— Сначала покажем людям.

Мы поднялись по лестнице.

Шейлы за стойкой администратора не было. Не иначе как с Томом развлекается. И некому сказать мне, кто недавно покинул гостиницу.

Мы с Лайной заглянули в ресторан; там обедали семь человек — но ни одного космолетчика. Птицу я держал под курткой, чтобы избежать лишних вопросов. Пальмены у входа вздрогнули, распрямляясь, зашуршали листьями, и у меня неприятно екнуло сердце. Приехали. Теперь во всем, что шевелится, будет чудиться враг.

Я повел Лайну в бар. Вот они. И «самозванцы», и капитан Смоллет, и Дэниэл Эрроу, и пилот глайдера Майк, которому велено было не спускать с Лайны глаз. Составив вместе два столика и рассевшись вокруг, они увлеченно играли в очередную игру. На столиках были насыпаны

карточки со смутными, колеблющимися картинками; их стремительно перемешивали, хлопали сверху ладонью, вскидывали руку — и что-то получалось либо нет: карточка прилипала к ладони или отваливалась, а если держалась, то картинка делалась яркой и отчетливой или же оставалась тусклой и невнятной. Когда руку вскинул капитан Смоллет и на его карточке вспыхнула вывеска казино и фонари у входа, космолетчики взвыли в восторге. Азартно они играли, заразительно — я бы тоже не отказался попробовать, кабы меня научили. И если бы у столиков сидели восемь человек. А сейчас не хватало Хэндса и Сильвера с его болтливым поюном.

— Присаживайтесь, — радушно пригласил нас первый помощник.

Лайнин пилот подвинулся, освобождая место — для Лайны, конечно, не для меня. Перегнувшись назад, планет-стрелок Грей дотянулся до свободного кресла и пронес его над головой, поставил к столику:

— Садитесь, юная леди.

— Что ты прячешь под полой? — спросил у меня мистер Смоллет, обеими руками перемешивая тусклые, непроявленные, карточки.

Я выложил Птицу прямо на них:

— Добыча. Где Сильвер с Хэндсом?

— У себя в номере, — ответил капитан.

И внезапно настала тишина. Такая, что я расслышал дыхание собравшихся у столиков людей. Сверкающая Птица лежала на россыпи карточек, и картинки на них начали разгораться. Море, водопады, радуга, небо с молниями, горы, джунгли, закаты, восходы, города — удивительные и страшные, смешные и обыкновенные, утренние, вечерние, ночные...

Космолетчики глядели на это вытаращив глаза.

— Ни хрена себе, — пробормотал рекламный красавец Андерсон. — Мистер Смоллет! И мы за такими тварями полетим?

— Боюсь, что да. — Капитан коснулся переливающейся самоцветами тушки, провел пальцами по коротким маховым перьям. Обернулся к первому помощнику: — Что скажешь?

— Чертовщина, — потряс головой мистер Эрроу.

Картинки лежали на столах, будто крошечные дверцы в чужие миры. Там светили солнца и луны, пылали закатные небеса, манили и пугали городские огни... Мне вдруг нестерпимо захотелось там побывать; обратиться искрой и нырнуть в мерцающую глубину хотя бы вон той,

крайней картинке, затеряться в синеве густых сумерек, повиснуть сигнальным огнем на мачте старинного парусника. Стоп. Так уже было однажды — когда я смотрел RF-запись. Я еле заставил себя оторваться от завораживающих картинок.

— Зачем ты ее убил? — спросил планет-стрелок.

— Она была бешеная, — вмешалась Лайна. — Кинулась на Джима, чуть не выклевала глаза. Ужас!

Она принялась объяснять, как было дело, а я собрался сходить посмотреть, чем заняты Сильвер с Хэндсом — может, как раз прячут одежду, в которой один из них ползал в лесу, — но тут они сами явились в бар. Чистые — ни пылинки, ни хвоинки. Поюн Александр восседал у Сильвера на плече.

— О-о! — радостно приветствовал он нашу компанию.

— О-о, — в один голос с поюном застонал бывший навигатор, увидав мертвую Птицу. — Кто ее убил? Джим, ты? — Смуглое лицо утратило жесткость и стало растерянным, как у мальчишки. — Зачем?

— Я защищался.

Пилот Хэндс сжал Сильверу локоть:

— Спокойно.

Тьфу ты. Нянька он Сильверу, что ли? Поюн ткнулся носом хозяину в шею:

— Ах-ах...

— Где перья? — напряженно спросил бывший навигатор. — Джим! Куда ты их дел?

Чего он так разволновался?

— Перья еще не отросли. Это сеголеток, почти птенец.

Пришлось рассказывать все сначала. Сильвер, болезненно морщась, разглядывал россыпь картинок, на которой лежала Птица; Хэндс казался невозмутимым. Поюн соскочил на столик и с любопытством обнюхал Птицу. Потрогал ее лапой, распушил хвост. И вдруг кинулся прочь с раздирающим душу женским криком:

— Джо-он! — Неужели так когда-то кричала жена Сильвера? — Джо-он! Джо-он! — вопил поюн, удирая к двери.

Сильвер бросился вдогон, настиг его у порога.

— Молчать. — Он посадил зверька себе на плечо.

Поюн замолк, прильнул к его крепкой шее.

— Джон, — прошептал он горько. — Сумасшедший...

Капитан Смоллет потер лоб и как-то странно посмотрел на бывшего навигатора.

— Как зовут вашу жену?

— Сэр, не спрашивайте о ней, — попросил Сильвер. — Это никого не касается. Извините, сэр.

Картинки вокруг Птицы разгорались все ярче. Солнца и луны уже светились, как глаза у нашего капитана.

— Алекс, я заберу ее, — сказал мистер Эрроу, поднимаясь. — Положу в холодильник, чтоб не стухла.

Он унес Птицу, прихватив заодно и несколько карточек. Оставшиеся картинки стали медленно тускнеть. Капитан Смоллет принялся их собирать, Грей и Мерри помогали, складывали карточки в стопки.

— А вы что стоите? — обратился капитан к Сильверу. — Сортируйте.

Бывший навигатор потянулся к стопке, которую собрал планет-стрелок. Привстав, мистер Смоллет внезапным движением прилепил карточку ему к ладони.

— Ну-ка, давайте.

Карточка не отпала, но картинка не начала заново наливаться красками.

— Джон! — рассердился капитан. — Который раз я ловлю вас на лжи.

— Я не лгу вам, — вскинулся Сильвер — по-моему, порядком испугавшись.

— Тогда объясните, как можете вызвать

галлюцинации, если у вас даже светлячок не загорается, — потребовал мистер Смоллет.

— Не знаю. Вы помните: меня уволили из RF... к тому же я встречался... как и вы... — бывший навигатор умолк с несчастным видом.

Мистер Смоллет сокрушенно покачал головой:

— Прямо не знаю, Джон, что с вами делать.

Поюн Александр скакнул с хозяйского плеча к капитану, стал на дыбки и попытался лизнуть его в подбородок. Мистер Смоллет отстранил тезку.

— Если еще раз поймаю — берегитесь.

— Да, сэр, — вякнул поюн. — Виноват. Больше не повторится.

Ну и зверь. Трепло треплом, а до чего кстати умеет ввернуть словцо. Мистер Смоллет засмеялся и потрепал его по ушам:

— Смотри у меня, поручитель. Будешь отвечать за хозяина.

Мне вдруг живо представилось, как поюн огрызнется словами пилота Хэндса: «Я задущу тебя, болтун». Я даже сам невольно это прошептал.

— Я задущу тебя, болтун, — тут же выдал Александр с интонациями чернобрового пилота.

Вот оно что. Живет на подсказках, пустобрех.

Космолетчики развеселились, а бывший навигатор поспешно забрал свою зверюгу и

посадил на плечо.

— Извините, сэр, — пробормотал он.

— Если еще раз поймаю — берегитесь, — заявил поюн, распушив хвост. Явно от себя добавил.

— Пойдем, — тихонько сказал я Лайне, и она с готовностью поднялась из-за столика.

Я провел ее в угол, где были развешаны по стенам горшки с лозанной. Плети с красными цветками красиво вились и выбрасывали длинные отростки; один из столиков оказался в уютной беседке. За него-то я и усадил свою любимую.

Лайна притянула тяжелую от цветков лозу, вдохнула их свежий аромат.

— Как хорошо... Джим, знаешь, чего мне хочется? Чтобы сегодня было всегда. Чтоб ты никуда не улетаешь, но как бы вот-вот улетишь, и я боюсь тебя потерять, но на самом деле не потеряю... Глупо, да? — Лайна вздохнула и вдруг воскликнула с горькой обидой: — Разве глупо тебя любить?!

— С мамой повздорила?

— Насмерть разругались. Она сказала... — У Лайны сломался голос, подведенные глаза влажно блеснули. Она потерла их мизинцем, стараясь не размазать краску. И прошептала задрожавшими губами: — Сказала, что если я хочу спать с кем

попало, то пусть лучше иду на панель. Доходней получится.

Я помолчал, глядя, как выкатываются из ее глаз непокорные слезинки. Скажи сейчас Лайна: «Не улетай», я останусь. Скажи она: «Давай поженимся», я посажу ее в скутер и повезу в Бристль, в магистрат. Если у нас найдется тысяча стелларов на регистрацию, наш брак оформят за полчаса. Тысяча найдется. Однако Лайна молчала; слезинки ползли по щекам, оставляя мокрые дорожки.

Я погладил ее прохладные пальцы и сказал:

— Я люблю тебя. — Оторвав веточку со сгустком цветков, я положил ее возле Лайниной руки. — Будь моей женой. Пожалуйста.

Она понурила голову. В темных волосах белели крупные жемчужины.

— Я люблю тебя, — повторил я. — Наша гостиница — не дворец, но я найду, чем тебе в ней заняться. Тебе не будет скучно. — Больше всего я боялся именно этого: что Лайна умрет с тоски без балов и развлечений. — И мы сможем ездить в Бристль.

— В Веселый район? — улыбнулась она — жалкой, вымученной улыбкой.

— С двадцати четырех лет — да.

Лайна выпрямилась. Отерла слезы со щек,

взяла в руки веточку лозанны.

— Я стану твоей женой, когда ты вернешься... с Птицами или другими сокровищами.

— А если вернусь без сокровищ?

— Тогда — нет. — Лайна прижала веточку к щеке. — Если у тебя не будет ни гроша за душой, мама тебя уничтожит. Она так пригрозила. Я ей верю.

Я тоже немножко поверил. С миссис Трелони станется нанять бывшего *risky fellow* вроде Джона Сильвера, умеющего вызывать галлюцинации, чтобы он завел меня в топи... или еще куда-нибудь.

Я невольно вздрогнул, когда возле нашего столика появился этот самый Джон Сильвер. Он держал поднос, на котором стояли два высоких бокала, хрустальный стакан и зажженная свеча. Ее свет дробился в пузырьках воздуха, гулявших в бокалах с темно-желтой жидкостью. В стакане была простая вода.

— Прошу, — бывший навигатор составил на столик бокалы, стакан и свечу. — Позвольте, юная леди, — он забрал у Лайны веточку с цветами и сунул ее в воду: — Иначе лозанна быстро увянет.

Поюн у него на плече с интересом наблюдал за трепетавшим язычком свечи и помалкивал.

— Спасибо, — поблагодарил я, присматриваясь к содержимому бокалов. Не

припомню я такого напитка в нашем баре. Сверху он отдавал краснотой, понизу ударял в коричневый цвет. — Что это?

— Коктейль для влюбленных. По рецепту, известному на «Илайне».

Ну и ну. Вот уж я бы не стал готовить напиток по рецепту базы, на которой чуть не сгорел. Сильвер улыбнулся:

— Отличная штука. Очень рекомендую.

Поюн Александр протянул лапу, пытаясь достать меня сверху:

— Ах-ах...

— А чем заесть? — Лайна придвинула к себе бокал.

— Его не заедают, юная леди, — Сильвер мягко коснулся ее плеча, по-прежнему скрытого шубкой, и отошел.

Лайна попробовала напиток.

— Как вкусно!

Я тоже отведал. Сложное ощущение: сменяющийся теплом холодок, сладость и горчинка, покусывающие небо пузырьки газа и аромат пряностей.

— Здорово.

Мы потягивали коктейль, глядя друг на дружку поверх желтого пламени свечи. Язычок подрагивал, от него поднимался сизый завиток

дымка. Непривычный, удивительный запах, который хотелось вдыхать еще и еще. Лайна подгоняла его к себе ладошкой.

— Джим, это что-то волшебное.

Я был с ней согласен. Сладостно-горький напиток и ароматный дым околдовывали, опьяняли и уводили в край, где реальность растворялась в грезах, а мечтания готовы были сбыться. Окружающие предметы расплывались, танцующий язычок пламени слегка двоился, хрустальный стакан с веточкой лозанна казался вазой с букетом, коктейля в бокалах осталось чуть на донышке, но виделось больше, чем было. Лайнины жемчуга в волосах и на шее сияли лунным светом; она скинула с обнаженных плеч шубку, и я не мог глаз от нее отвести. Как я любил ее тонкие руки, хрупкие плечи, чуть загорелую кожу; как я желал коснуться ее, погладить, поцеловать; как я хотел ее всю... Мое тело взывало, молило, требовало; здравый смысл отступал перед желанием встать, вскинуть Лайну на руки и унести туда, где кроме нас, никого, где она станет моей — моей навсегда.

— Джим, — моя любимая наклонилась вперед, язычок пламени отразился во влажных глазах, в вырезе платья я опять увидел два светлых треугольничка ее груди, — Джим, пойдём... куда-нибудь. У вас же есть пустые номера?